

*О.ДЖУРКО
БОЕВИК*

*ПЕС-1
ПРИМЕТЫ БОЙЦА*

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Джурко

Пес-1. Приметы бойца

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Джурко О.

Пес-1. Приметы бойца / О. Джурко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Остается только надеяться, что есть еще неизвестные бойцы, способные противостоять ублюдкам криминала, не скатываясь до уголовщины, даже на грани между жизнью и смертью. Надеяться на их душевную крепость, верность личному кодексу чести, создающему личное мнение о порядочности, справедливости, извращённых чиновным воровским сообществом, насилующим государство, развращающим шкурничеством общество, пропагандирующим алчность как стандарт делового успеха, общества с криминальным менталитетом полуинтеллигентного хищника. Фото, оформление обложки автора О. Джурко. Содержит нецензурную брань.

Крестилевский выхватил из костра пылающую головню. Рассыпая искры, шипящая дубина пролетела по воздуху и обрушилась на голову Ширка. Рослый торгаш взревел от боли. Схватил шуплого Крестелевского за грудки. Поташил на костер. Битюги-телохранители Крестелевского рванули Ширка за плечи. Опрокинули навзничь и ну давай месить ногами. Нанося удары с оттяжкой, качки всхрапывали, как застоявшиеся кони.

– Прекратить! Не смей! – рявкнул Крестелевский. Распихивая телохранителей, он с рычанием плевал на обожженную головней ладонь.

Гости повскакали с ковра. Пятеро из них выхватили стволы. Воняло паленым человеческим волосом. Скулил Широкий. Половины каштановой завитой шевелюры красавчика как не бывало. Стало так тихо, что слышно было, как булькает коньяк, изливаясь из опрокинутой бутылки на штанину Крестелевского. Константин Валерианович поднял бутылку и, скрипя зубами, стал поливать саднящую от ожога ладонь.

– Костик, лапочка, что с тобой!?! – зашебетала Катерина, вызывающе красивая девушка в белых шортах, сидевшая рядом с Кристалевским на раскладном стульчике.

Сиреневая под лаком, очень пышная прическа Катерины на маленькой головке удивительно гармонировала с кипенью иван-чая, цветущего вокруг лесной поляны. Единственная среди элегантных блатных, на роскошной лесной поляне девушка чувствовала себя королевой бала. Молоденькой пассии, почти состоявшейся невесте седого пахана, на природе позволено все, даже уважение гостей, смахивающее на угодничество. Но только на природе, в апартаментах девчонка чувствовала себя удачливой шлюхой.

– Давай, лапочка перевяжу.

– Отвали, лярва, пока цела! – рявкнул Крестелевский на разохавшуюся девушку.

Катерина вспорхнула со стульчика, стала отступать от рассвирепевшего именинника. Сжав кулаки, Крестелевский двинулся за девушкой следом, но путь ему преградил мент Вабля.

– Опомнись, Костя!

Лицо Крестелевского стало пепельным. На впалых щеках хронического язвенника прорезались глубокие морщины. Скулы напряглись. Блеск чистых голубых глаз приняли сталистый оттенок.

На мгновение потерявший от побоев сознание, Широкий пришел в себя. Схватился за опаленную голову. Злобно застонал.

– Ну, Крест! Ну, сучий потрох! Ты у меня попомнишь, живоглот!

– Вышвырните эту падаль. – Приказал Крестелевский телохранителям. – Киньте в машину, и пусть не попадается мне на глаза. Только так!

– Константин Валерианович, милый, грех гневаться в день своего юбилея, – пропела сиреневая невеста бархатистым грудным голосом.

Крестелевский достал темно-синий носовой платок, обернул обожженную ладонь и поднял беспощадные глаза на королеву юбилейного пиршества.

– И ты с ним, дорогуша, мотай с глаз долой.

– Костя! Я не изменяла тебе! Клянусь всеми святыми! Я не виновата, если нравлюсь многим мужчинам! Разве можно за это избивать невинного человека!

Гости с явной тревогой скрестили пронизывающие взгляды на ярко раскрашенном лице юной любовницы. Посодействовать или промолчать? Промолчать или посодействовать этой блестящей интриганке, почти добившейся в свите Креста перспективного положения невесты.

– Детка, будь умницей. Потом поговоришь с хозяином. – Рыжий Телохранитель, по кличке Курок, красной пятерней легонько лапнул хрупкое, плечико негодующей пассии шефа.

– Да пошел ты, кретин... – Деловито огрызнулась сиреневая девушка.

– Катерина, не возникай, прошу тебя, детка... – Настаивал ласково Курок.

– Костя! Остынь! Я тебе не шлюха какая-нибудь. Ты обещал обвенчаться! – Королева пиршества подбоченилась, выпятила грудь и горделиво тряхнула облаком прически.

Курок подхватил девушку подмышки так резко, что у тесного бюстгальтера с треском отскочила застежка. Две загорелые удлиненные груди выскочили из глубокого выреза крепдешиновой кофточки навывпуск. Они явились на свет как два продолговатых экзотических фрукта, покрытых атласной кожей.

– Пошел вон, скотина!

Катерина ловко размахнулась ножкой, вооруженной лакированной узконосой туфлей. Пнула Рыжего в пах... Тот крутанулся волчком на месте и, сдавленно подвывая от боли, на полусогнутых засеменял в заросли Иван-чая. Гости зашипели. Крест улыбнулся.

Катерина подала Ширку руку. Он встал на ноги. Его покачивало. Девушка "под локоток" повела торгаша к стоявшим поодаль машинам.

Телохранитель, Геннадий, посмеиваясь в щеголеватые усики, подбросил в огонь сушиняка. Гости тоже заулыбались. Попрятали стволы. Расселись на расстеленных коврах вокруг пылающего костра. Неторопливый разговор мужчин продолжился, как будто ничего особенного на поляне не произошло. Теперь их осталось тринадцать. Тринадцать старых друзей. Настоящий мальчишник.

Дельцы собрались отметить на природе пятидесятипятителетний юбилей подпольного миллионера Крестелевского. Авторитетнейший коммерсант начинал свой полу криминальный бизнес товароведом в Марьинском Универмаге. К началу Российской Перестройки Константин Валерианович сколотил очень кругленькое состояние. Так что не удивительно, что мальчишник почтили своим присутствием командиры советской торговли высоких, министерского уровня рангов.

Гужевался тут и заместитель по тылу коменданта Кремля полковник Рюмин Игорь Селиванович, и холеный секретарь Таганского Райкома КПСС. Однако, ближе остальных, по левую руку юбиляра, сразу за любовницей, скромно сидел, по-турецки умяв под себя ноги, оперативник из МУРа. Капитан Вабля. Марат Ерофеевич. По правую руку Константин Валерианович посадил троицу темных личностей. Блатных авторитетов. Старший вор в законе, Анатолий, по кличке Туз, только что откинулся с зоны. На пальцах обеих рук было вытатуировано четыре синих перстня. Они излучали татуированные же лучи, общим числом восемнадцать лучей. Столько лет дох Туз в зоне за четыре ходки. И все от звонка до звонка.

Эта троица среди пирующих шнурковалась отдельным табунком. В общем, разговоре фактически участия не принимала. Держала характер, надменно подчеркивая, что уважение уркаганов распространяется исключительно на хлебосольного хозяина застолья.

Приглашенные были в черных официальных костюмах, белых рубашках. Их яркие контрабандные галстуки с ручной росписью на тропическую тематику тоже хорошо гармонировали с многоцветьем уютной лесной поляны...

Константин Валериановичу подсел Степан Иванович Балыкин, между дружков – Беспалый. Это был дородный, очень брюхатый увалень, с багровым, одутловатым лицом гипертоника. Директор Росбакалеи.

– Помяни мое слово, Валерьяныч, Широкий говнистый кент, он точно будет мстить. Уж я-то его знаю! – Прошептал Балыкин Крестелевскому в ухо, из которого торчал клоч седых волос.

У Крестелевского дернулась щека, но он промолчал. Сморщившись, как от зубной боли полез в карман. Достал Беломор. Но пачка оказалась пустой.

– Слушай, давай-ка звякнем Халябину в КРУ, проведем на базе Ширка внеплановую ревизию? Чтобы не залупался... Ты понял? Широкий получил по разнарядке партию холодильников для ветеранов войны и всю загнал в Узбекистан. – Настаивал на возмездии расстроенный бакалейщик. Он потерял лоб мясистой изувеченной пятерней. Все пальцы одутловатой пятерни на лесоповале были аккуратно укорочены на одну фалангу.

– А что! Самое время вмазать фраеру по ушам, – поддержал Балыкина пахан Туз-Ана-толий.

– Довольно, проехали! – Раздраженно ответил Крестелевский. – Не надо загонять парня в угол... Катерина первой спала с ним, по своей воле. Он сочтет себя несправедливо обиженным, и начнет стучать. Я не хочу драчки. Подождем, голуба. Пусть Широкий первым козырнет. А тогда уж я сам разберусь. Только так!

Крестелевский резко поднялся с ковра и отправился к своему черному ЗИМ.

Чуть поодаль сквозь кусты виднелась подаренная им Катерине Волга. Ругаясь матом, Катя затаскивала в салон долговязого Широкого. Глаза Крестелевского, как намагниченные, тянулись в ту сторону.

Сердце дятлом долбил стыд. За свои пятьдесят пять лет жизни столько проигрывал и выигрывал. Но ни разу верх не брала баба. Слишком близко подпустил Катерину к сердцу. Ох, как жестоко опозорила зазноба. Как теперь рогиносцу сохранить авторитет в кругу партнеров по бизнесу?

Папирос не было ни в багажнике, ни в портфеле... А сигарет он не терпел. Крестелевский стал выбрасывать из перчаточного бардачка накопившееся там барахло. Светозащитные очки, медный кастет, складные стаканчики, обойма, пистолет...

– Марат Ерофеевич, – Тихо, как при покойнике, обратился к Вабле Рюмин. Головы присутствующих, как по команде, повернулись к менту, закадычному другу именинника. – Сходил бы ты, посмотри, как там Валерьяныч. Катка сматываться не спешит. Не сорвался бы Костя. Еще ни один предатель не остался у него безнаказанным.

– Это у Кости – запросто. – Вздохнул Вабля. Он швырнул в огонь не обглоданную ножку индейки, вытер о крахмальную салфетку руки. Не верил он, что остановит расправу, если Крестелевский пойдет в разнос, но поднялся с ковра.

Неслышно подойдя к другу, Вабля пристально уставился на вороненый пистолет, лежавший на коленях Крестелевского...

– Отдал бы ты пушку, старина...

– Марат, дорогой мой, пошел бы ты куда подальше. Буду я руки марать о разную срань... Хочу понять за что мне отомстил Широкий. Кормился с моей руки и на тебе!.. Придется устранивать подлюку. А теперь уходи. Шуму сегодня не будет...

– Не заводись Константинович. Вспомни, в восемьдесят третьем году ты тоже обещал, что обойдешься без пальбы! Я не забыл, как визжала Зинка. Твое счастье, что подвернулся малокалиберный браунинг и пуля застряла в сиське этой коровы... ТТ шутить не любит, насквозь прошье. Так что, не обижайся, дорогой, пока не отдашь, – не уйду, хоть тресни.

– Сгинь! Я в норме. Сказал стрельбы не будет.

– А то я не вижу по твоей улыбочке, чем кончится наша пьянка.

– На, на возьми ствол и не томи меня...

Кастет Крестелевский сунул в карман.

Пачка Беломора нашлась в кармане чехла сиденья. Ломая спички, Крестелевский долго не мог зажечь папиросу... Прикурив, глубоко затянулся... Еще раз, еще... Не помогло. Откинулся в кресле, запрокинул голову... Подбородок предательски дрожал... Резь в глазах была нестерпима.

Собравшимся было не до гулянки. У костра жалели Крестелевского. Тема измены женщины и мести за измену была слишком горячей, чтобы сразу заглохнуть...

– Ну, как он? – спросили Ваблю сразу несколько голосов.

– Эзекции не предвидится, аксакалы. – Отмахнулся расстроенный друг Крестелевского.

– Да уж, размяк наш железный Костя. Спихватился. Наследника ему подавай. Раньше нужно было думать. – Благовестил Семен Маракин, председатель райсовета. Он погрозил в сторону машины Крестелевского пальцем

– Я давно твердил чудаку, – женись! Хватит по блядям скакать. Эти телки того и гляди, наградят гнойной каплей на конце. Возьми бабца попроще, своего возраста. Миновало время накопления капиталов. Можно, наконец, пожить по-человечески, семейно, с детишками. Верно, я говорю?

– Верно! Костя все как молодой кузнечик. – Добавил Сычев, – Мойша для своих, – заместитель министра легкой промышленности. – Куда это годится. Вскочил – соскочил, вскочил – соскочил.

– Бойтся Костик баб. – С глубокомысленной миной на багровой роже заметил Маракин. – Он их меняет, чтобы не успели изменить... Сам был такой прыткий, пока не надоела эта пустая нервотрепка.

– Курок рассказывал, что Широкий сделал себе мотороллер. – Хохотнул Рюмин. Вживил в член целый шарикоподшипник. Представляю, как визжала эта сучка.

– Да уж, Совсем офонарел Костя. – Оскорбленно засопел тучный Бардин, Начальник финансового Управления Внешторга. – Взял и отвалил этой шкурке задаток за наследника – пятьдесят тысяч капусты... Мутота! Поди, разберись теперь от кого Катька забеременела. Может, ей Широкий заделал...

– Я и говорю, – Широкий еще тот хорек. – Снова возбудился неугомонный бакалейщик. – Глаза налились кровью. Он всегда ходит при нагане. Как еще не пальнул в Костю. Н-да... Вот сыскари говорят, что убийцу легко узнать по взгляду. Глаза красные... Взгляд такой мглистый, вроде как шалый. Убийца смотрит на тебя как бы сквозь туман. И не может понять, что хочет увидеть у тебя за спиной. Для убийцы ты уже мертвец, как какой-нибудь прозрачный призрачок... Верно, я говорю? А, Марат Ерофеевич? – Обратился бакалейщик к Вабле.

Марат Ерофеевич насмешливо фыркнул.

– Какие призраки. Чуть собачья. Еще скажи – руки чешутся у мокрушника перед тем как идти на дело...

Ты же сам оперативник, Марат Ерофеевич. Разве не так? – Не унимался бакалейщик.

Опер перестал тыкать прутиком в сырую еще картофелину, нагреб на нее побольше золы. Прикурнул от уголька. Нехотя обвел взглядом сидевших вокруг костра. Гости перестали жевать. Гости ждали авторитетного откровения.

– Приметы убийцы, говоришь, Степан?.. – У кролика глаза тоже красные, а он совершенно безобидный...

Опять ты, Марат Ерофеевич, заливаешь, – криво усмехнулся подошедший к беседающим Константин Валерианович. – И опять тебе верят...

– Отцы! Хорошо сидим. – Крестелевский поднял руку. За его спиной Геннадий откупорил бутылку коньяка Наполеон и вложил ее в руку хозяина.

– Предлагаю выпить за красивых женщин, таких неотразимых на вид и таких неоригинальных в измене.

В голосе Крестелевского слышалось металлическое дребезжание. Он и жалел, что сорвался, и был зол на себя за то, что не может быстро взять себя в руки. Именинник налил себе полный бокал и только потом передал бутылку коньяка по кругу.

– Константин Валерианович, – шепнул Телохранитель Крестелевскому на ухо. – Привезли, этого, как его, с гитарой. – Он кивнул в сторону машин, где перед зеркальцем прихрамивался ярко одетый лысоватый франт. – Куда его? Подождет в машине или пусть играет на своей бандуре?

– Черт! Ну, наконец-то! Прилетел паршивец! Давай, давай опоздавшего к нам, Геннадий. Только так!

Дождавшись, когда гости выпьют, Крестелевский вылил свой коньяк в костер, встал и принял в объятия одноглазого невысокого толстяка в красном пиджаке и коричневых бархатных штанах... С лиловой "бабочкой" на горле, заметно придавленной вторым подбородком.

– Данила Бордосский, артист оперетты. Прибыл к нам на мальчишник прямо из самого Ленинграда. – Весело представил Крестелевский гитариста друзьям.

– Обижаешь, Константин Валерианович, обижаешь! – Запротестовал запоздалый гость. – Даниил Бордосский теперь не просто артист, он теперь еще и режиссер-постановщик, черт возьми! Растем Костя!

– Ну, ты даешь, Данила! – Воскликнул Крестелевский, обводя гостей печальными глазами. – Этот кент знает весь одесский репертуар. Мы земляки. В молодости он пел у меня на каждом дне рождения. А теперь загордился.

– Бреешь ты все, Костик! – Засмеялся артист. – Как получил телеграмму так все бросил к чертям собачьим и вот он я.

– Но больше всего мне нравится как Данила Моисеевич рисует червонцы. Вот это настоящее искусство! Не то что на гитаре брэнчать!

– Костя, не бреди старые раны. Завязал я, морским узлом завязал... Дай-ка я тебя облобызаю, поганец ты эдакий. Не мог я не обмыть твой полтинник.

– Э, братишка! Отстаешь от жизни. Мне уже настучало пятьдесят пять...

– Да иди ты! Константин Валерианович! По тебе не скажешь! Ты же у нас – горный орел! – Обнимая друга, балагурил артист оперетты.

– Ну, как же! Орел! Читали, что пишет народ на стенах сортира: Как горный орел на вершине Кавказа, сижу, одним словом, – на унитазе. – Натужно захохотал Крестелевский, прижимая руку к животу.

Геннадий подал Бордосскому хрустальный бокал, хотел наполнить, но виновник торжественного мальчишника на природе взял бутылку у телохранителя из рук и сам налил артисту...

О Катерине и Ширке пирующие забыли. Девушка вытерла кровь с лица принародно оскорбленного любовника. Втащила его на заднее сиденье белой Волги, подаренной Крестелевским. Сама села за руль, громко хлопнула дверью и прицельно посмотрела на пирующих. Никто не обернулся...

– Кончай скулить! – Презрительно покосилась Катерина на стонущего Ширка. – Фуй, мякина! Сдачи дать не посмел! Дай-ка мне твой наган...

– Перебьешься, халява... Я сделаю Креста по-тихому.

Катерина запустила двигатель, выжала сцепление, но тут выдержка ей изменила. Она склонила головку на руль и заревела густым бабским ревом.

– Поехали домой, пока Крест не передумал... – Беспомощно прохрипел Широк.

– Заткнись, гнида! Константин Валерианович раздавит тебя как блоху! Это все из-за тебя! Зачем сел у костра рядом со мной? Зачем ущипнул? Зачем? Зачем?

Катерина перегнулась через спинку своего сиденья и зло отхлестала Ширка по мордасам...

– Пропади ты пропадом! Больше не показывайся у меня! Может быть, Костя еще передумает.

Катерина высморкалась, вприщур еще раз оглядела гостей Крестелевского. С бокалами в руках, они толпой окружили именинника. Крестелевский поставил свой бокал по изгиб локтя правой руки и медленно тянулся к нему губами, демонстрируя гусарский застольный фокус.

Воткнув первую передачу, и сразу же вторую, на "газах" Катерина бросила Волгу на толпу возле костра. Машина заюзила на траве лесной поляны и не сразу набрала скорость. Волга была в трех метрах от костра, когда гости спохватились и бросились врассыпную. Геннадий подхватил Крестелевского подмышки и потащил в лес. Константин Валерианович брыкался и

хохотал во все горло. В дыму и пламени, Волга проутюжила по коврам, уставленным деликатесами и бутылками, разметала уголья и головешки, но Решительной девушке этого показалось мало. Эксневеста лихо развернулась на второй заход.

Снова взревел двигатель. Из-под задних колес Волги вырвался зеленый фонтан травы. Виляя задом, машина рванулась во вторую атаку на пирующих мужиков.

– Смерть гадам! – Орала во всю глотку Катерина

Двумя выстрелами из-за дерева, Геннадий прострелил на Волге передние колеса. Выстрелы разом отрезвили Катерину. Она даванула на тормоз, закрыла руками глаза и пронзительно завизжала...

Мужики выскочили из-за деревьев и с хохотом обступили истерично визжащую лихачку. Кто обмахивал носовым платком, кто притаранил бокал коньяка и пытался вложить бокал в трясущиеся руки Катерины! Девушка схватила бокал, швырнула в Крестелевского.

– Ты еще пожалеешь, старик! – Пообещала Катерина ломким голоском. – Ты еще приползешь ко мне на полусогнутых.

Утирая слезы от смеха, Крестелевский махнул рукой, сторбился и направился в глубь соснового леса.

Отчаяние душило. Крестелевский сдернул с шеи узкий темно-синий галстук, в сердцах отшвырнул и, не глядя под ноги, чуть ли не бегом, стал удаляться от гостей куда глаза глядят.

Душное безмолвие сорного леса прорезал отдаленный детский крик. Крестелевский на крик не обратил внимания. В желудке обострялась жгучая боль. Крестелевский проглотил таблетку Фестала...

Все громче срывающимся голосом рыдал ребенок.

– Мама! Мамочка! Не надо! Не надо! – кричал неизвестный мальчонка.

Вопли беззащитного ребенка, наконец, дошли до сердца. Крестелевский презирал избивающих детей. Ярость, наконец-то, нашла выход. Надев на пальцы кастет, быстрым шагом, Константин Валерианович поспешил на голос мальчика.

– Костя! Костя! Где ты? Ау! – Гудел разбойным басом Вабля.

Голоса пьяных друзей приближались широким фронтом. Друзья устроили облаву на сбежавшего именинника. К счастью, их остановили Телохранители, притаившиеся неподалеку от хозяина. Завернули назад... Это была какая-то бесовщина. Как ни спешил Крестелевский, крик мальчика не приближался. Мальчишка метался по лесу и звал слабеющим голоском:

– Мама! Ма-а-а-мочка!

Крестелевский побежал. Крики вскоре прекратились, но Крестелевский продолжал бежать. Наконец, сквозь шумное биение сердца Крестелевский услышал сдавленные стоны и своеобразное пыхтение.

Раздвинув ветви орешника, он увидел на полянке сгорбленные спины в солдатских гимнастерках. Переломив через поваленную бурей осину, двое курчавых солдат, спустив штаны, насиловали мальчишку. Он уже не просил пощады. При каждом грубом толчке, дрожащие ноги его в истоптанных сандалиях отрывались от земли... Из горла вырывался сдавленный хрип.

– Эй! Пошли вон, козлы! – Крикнул Крестелевский, ошарашенный увиденным...

Он быстро надел на пальцы медный кастет. Из-за спины грохнул выстрел. Из чащи вырвался Вабля и бросился на него. Выпученные глаза на багровой роже, зверский оскал золотых зубов говорили, что годы не укротили свирепый нрав заводного мента.

Солдаты, путаясь в приспущенных штанах, брызнули в разные стороны... Стреляя на ходу, пьяный Марат бросился в погоню за насильниками... Одного он догнал, схватил за подол гимнастерки, но солдат извернулся и Марат схлопотал пряжкой ремня по темечку. Охнув, он мешком свалился на землю...

Мальчик не шевельнулся. Тряпкой остался висеть поперек осины. Он был в одной сандали. Попка его была испачкана экскрементами и кровью. Крестелевский присел на корточки,

поставил мальчонку на ноги, обтер носовым платком, поддернул застиранные шорты, застегнул ширинку.

– Ну, голуба, понесла же тебя нелегкая в лес.

Отвернув лицо в сторону, не открывая глаз, мальчик покачивался. Ему было лет двенадцать, тринадцать. Он выглядел провинившимся шалуном, получившим неотвратимое и справедливое наказание. Крестелевский положил ладонь на его выгоревшие на солнце, светлые вихры, повернул головку лицом к себе. Лицо исцарапано, распухло от синяков. Над левой бровью у мальчишки голубел небольшой шрам. Недавний... Крестелевский погладил шрам.

– Э, да ты, я смотрю, тертый калач. Как же ты сплеховал?

– Они связали, заткнули рот... Я укусил и вырвался... Их двое на одного. – Стал оправдываться малец.

– Теперь и нас двое... Возьми себя в руки и не хнычь... Все будет хорошо. Пойдем-ка отыщем сандалию, а потом мы отвезем тебя к папке с мамкой. Какие они у тебя, однако, раззявы.

– Дяденька, миленький, не надо отвозить меня в милицию... – Без всякой надежды на жалость взмолился парнишка.

– Какая еще милиция? Голуба! Ты чей?

Мальчик молчал. Вот собрался с силами. Оскалил крупные желтые зубы. Дрожь в теле прекратилась.

– Как он похож на щенка! – Подумал Крестелевский. – Того и гляди вцепится зубами в горло.

Константин Валерианович опасливо откинул голову назад. Мальчишка взъерошился, вырвался из объятий незнакомца. Попятился. Стал озираться. Заметил потерявшего сознание Ваблю, пластом лежавшего под березой, и снова заплакал. Он не прочь был убежать, но уж больно страшен был молчаливый лес за спиной убитого.

– Да ты не бойся меня. – Крестелевский постарался смягчить голос. – Я все понимаю! Честное слово, домой поедem, а не в милицию.

Насильники опомнились быстро. Напали как шакалы, подкравшись со спины. Латунная бляха со звездой, врезалась Крестелевскому в шею, отключив правую руку с кастетом. Он оторопел, на секунду потерял равновесие. Мальчик попучил пинок и отлетел в кусты. Рыча нерусские ругательства, красивые шоколадные парни обрушились на Константина Валериановича. Повалили на землю, стали душить.

– Константин Валерианович! Где вы? – Хором заполошно, где-то поблизости, орали телохранители, потерявшие хозяина.

Откликнуться Крестелевский уже не мог. В четыре вонючих, скользких руки душить его было неудобно. Нападавшие суетились, в злобе отталкивали друг друга от добычи плечами, коленями. Только эта неразбериха, помешала быстро сломать Крестелевскому горло. Улучив, наконец, момент, изо всех что были сил, Крестелевский ткнул растопыренными пальцами ближайшему насильнику в глаза и тот с воем покотился по траве.

– А-а-ав! – Заверещал вдруг мальчишка пронзительным девчоночьим голосом.

Он вцепился зубами и пальцами в смоляные кудри второго насильника, сидевшего на Крестелевском, и резко потянул его голову на себя. Но мгновение горло солдата приоткрылось. Крестелевский пырнул кулаком в кадык солдата. Тот поперхнулся, выкатил глаза и от удушья стал рвать на груди гимнастерку...

На полянку вырвались телохранители. Курок, ударил ногой задыхавшегося насильника в бок и стал стаскивать его обмякшее тело с Крестелевского. Мальчик продолжал визжать дурным голосом.

Курок за ноги потащил насильника в кусты. Пальцы мальчишке свела судорога. Он не мог выпустить волосы солдата и тащился следом за полуживым телом насильника.

Рыжий Телохранитель бросил свою ношу, схватил мальчишку и резким рывком оторвал от солдата.

С волосами в кулачках, парнишка вскочил на ноги и набросился на верзилу. Тот подхватил его на руки, и, держа на весу, засмеялся. Мальчишка все еще был не в себе. Он молотил в воздухе руками и ногами пока не подошел Крестелевский. Константин Валерианович перехватил мальчишку. Тот обвил руками его шею, прижался. Захлебываясь слезами и соплями стал просить:

– Дяденька, миленький, возьми меня с собой. Клара Иосифна меня в темной кладовке запрет... Я тебе пригожусь, честное пионерское...

Крестелевский растерялся. Мольба и упрек во взгляде мальчика были невыносимы. Он почувствовал себя предателем. Глупо. Еще немного и мальчишку он заберет с собой... Только этого не хватало...

– Шеф, похоже, этот малый в бегах... Тут поблизости есть детдом, – сказал Курок. – Давайте отнесу пацана... Как бы не нарваться на неприятности...

– Отнеси. И мигом назад. Будем сматываться. – Жестко приказал Крестелевский Геннадию и склонился над Ваблей, стал осматривать кровоточащую на макушке рану.

– А чуреков куда? – Спросил Курок, кивнув на солдата, шустро уползавшего с поляны на четвереньках.

– Разберись! – приказал Крестелевский.

Курок достал маленький браунинг и широко улыбнулся хозяину.

– Но, но! Без мокряка! – Крестелевский взвалил стонущего Ваблю на спину и, заметно пошатываясь, двинулся к пиршественному костру.

Визг мальчишки, бросившегося в лесу ему на помощь, в тот день долго не утихал в ушах Крестелевского. Он то и дело мысленно возвращался на ту злощастную поляну. Мальчишка нравился ему все больше. Мало кто после таких издевательств бросится на защиту чужого человека.

"Смелый щенок. Себя не пощадил." – усмеялся Крестелевский. – Верный вырастет пес, если попадет в хорошие руки".

Послевоенная ранняя нужда просто вышибла его из детства в подлый, вороватый мир взрослых: выживай как знаешь. А как выживать?

Во дворе воровали, считай, все пацаны. Пошел на "дело" за компанию и пятиклассник Костик Крестелевский.

Дружки, для начала, поставили салаженка на стреме. На углу магазина со стороны улицы. А сами сунулись в магазин со стороны двора, с черного хода. Откуда только что, сгрузив горячий хлеб, отчалила конная ночная хлебовозка... Метель, запах свежего хлеба, смешиваясь со снегом, приобретает ну нестерпимо сладкий вкус. Желудок заныл, от желудка дурман по всему телу так и плывет...

Сделал Костя один шаг навстречу хлебу, сделал другой, покинул наблюдательный пост... Пришел он в себя от выстрела. Нет, было два выстрела!

Бегут по двору пацаны, схватившись за задницу, орут: Убили! Убили! А сторож, дурак, переломил двустволку и заталкивает в стволы новые патроны набитые крупной крымской солью... На этом воровская карьера Кости Крестелевского благополучно завершилась. По мелочи сообразительный Костя больше не воровал никогда. И другим не советовал мелочиться... Отца он помнил смутно. Отец, Егор Каллистратович, едва проводив сынишку в первый класс, умер от контузии, полученной на переправе под Кенигсбергом. Был он инженером-строителем, хорошо зарабатывал. Мать, Юлия Васильевна, могла себе позволить быть домохозяйкой. Красивой была и любила броско одеваться.

Как достается хлеб первых послевоенных лет почувствовали они лишь после смерти отца. Красота Юлии Васильевны требовала заботы... Один отчим, сменил другого, еще более загульного. И понесла нелегкая Юлию Васильевну по ухабам жизни...

Костик ревновал малейшие знаки внимания матери к проходящим сожителям... Он рано познал печальную истому язвящей сердце борьбы, борьбы сострадания, жалостливой любви к матери и ненависти к ее постыдной слабости.

Слишком резким был контраст материнской безвольной любви и унылых запоев несчастной женщины. Этот контраст быстро сделал Костика, добродушного, открытого по природе мальчика, скрытным и ревнивым. Он долго не мог себе объяснить, почему именно с ним Жизнь обошлась так несправедливо. Костя подмечал все, чего ему не дала жизнь из того, что имели другие дети. Особенно болезненно переживал нищету. Но не желал смириться с тем, что окружающий мир как мог урезал детские радости.

В десятом классе Костя был уже опытным фарцовщиком. Специализировался на покупке и перепродаже мелким оптом заграничных шмуток. Отираясь возле комисионок, гостиниц и валютных "Березок", он сумел завести контакты с чиновниками из министерства Морского флота и спортсменами, часто выезжающими за рубеж. Около него вертелось и несколько проституток разного достоинства, сбывавших зачастую вещи, украденные у иностранных туристов.

Эти хищницы чувствовали: их молодой барыга еще не "познал" женщину. Девки частенько подшучивали над несколько закомплексованным Костей. Уличных девок занимала причина его затянувшейся девственности. Они в открытую намекали, что Костя или импотент, или эгоист и занимается рукоблудием.

Одна изпутан, броская на физию Маша, называвшая себя "для понту" Матильдой, в шутках участия не принимала. Она была разборчивей остальных в выборе клиентов, и тем была симпатична Косте. Матильда брала оптом у Кости французские бюстгалтера и нейлоновые чулки, которые перепродавала сестре в Красноярск. Однажды Маша попыталась попользоваться симпатией посредника.

Как-то, потаскуха зазвала разбитного, но все еще целомудренного фарцовщика в свою коммуналку. Предлог был деловой и незамысловатый. Матильда хотела примерить образчик товара. На самом деле расчет был куда мудренее. Сучка предполагала убить сразу двух зайцев. Поиметь "свежечка" и "утереть нос" подругам. И еще, когда юнец разомлеет от кайфа первого настоящего оргазма, подбить его на торговую скидку за поставляемый товар. Так сказать – в знак благодарности за бесплатный сеанс секса.

Он с ранних лет весьма уважал себя и потому возможное собственное презрение считал чувством оскорбительным. Оно заканчивалось раскаянием и чувством вины перед женщиной. А Он ни перед кем не желал быть виноватым, и, тем более, не любил оставаться в долгу.

Матильде удалось напоить юнца, оказавшегося еще и трезвенником. Сонного она затащила его в постель, где на скорую руку и обучила трепетного девственника искусству обхождения с влагилицем. Так была разоблачена перед юным Крестелевским последняя тайна женщины. Увы, последняя. Тайна медоточивого женского Лона, диковатого в опушке реликтовой растительности..

Ученик попался хоть и неопытный, но понятливый и выносливый. Больше того, дурачок немедленно влюбился в мастерицу совокупления. В течение ночи, с повизгиванием, оханьем и храпом, Маша постаралась снять все плоды с древа своей проститутской науки... Ее не смутило, что плоды, по сути, были еще зелеными. Потаскухе нравилась именно оскоминая нежной неопытности новообращенного самца.

Разговор о скидке Маша-Матильда оставила на утро. Проснувшись, забавно урча и оставляя фиолетовые синяки, фарцовщик стал взасос терзать ее пустые груди. Матильда этого не любила, но решила потерпеть. Чтобы клиент окончательно сомлел, она даже старательно сде-

лала минет, хотя за это обычно брала дополнительную плату. Только после того как сопляк оросил ее гортань сладким молозивом наверняка не зараженной спермы, Матильда ласково прошептала ему на ушко:

– Тебе хорошо со мной?

– Еще бы, я побывал на седьмом небе... – Так же шепотом ответил Костя.

– Не забывай, настоящий мужчина не уходит от возлюбленной просто так. Ты должен что-то подарить женщине, сделавшей тебя счастливым.

– Само собой, – промямлил блаженствующий юнец.

– Скинь мне десять процентов хотя бы на лифчики...

Как же ночная бабочка была удивлена, когда любовничек оказался не промах и не сбросил цену на шмутки ни на один процент. Видавшую виды, ее ошарашил деловой подход юнца к сексу. Он даже разозлился за то, что его поймали "без взаимной любви".

– Куколка моя, я же тебя люблю! – Дрожа от злости, лепетал толком не протрезвевший сосунок.

– Чувак! Женщина перед тобой расстилается, а ты!... Куркуль! Вон! Вон и моей постели! – зашипела Маша-Матильда.

– Я купил ликер. Другой раз куплю тебе розы и конфеты. При чем тут чулки, когда у нас любовь?

– Вот не думала, что ты дурак. Гони двести рваных за услуги! Жмот! Шоколадку я сама себе куплю! – Нахмурилась Маша. – Не то скажу Бусаеву, он с тебя шкуру спустит. Я тебе не мормышка какая-нибудь!

Машка так шуганула Костика, что, спикировав с высокой железной кровати, он вывихнул правый указательный палец, незаменимый при молниеносном пересчете купюр после сделки в подворотне.

Крестелевский был при деньгах. Знал он и сутенера Машки, урку чечена Бусаева, по кличке Чурек. Наслышан был как жестоко наказывал этот чурка с земляками клиентов-халявщиков. Наслышан, но оскорбление его чувствам, нанесенное обманщицей Машкой, было сильнее страха перед расправой уголовников. Он не шваль какая-нибудь, сшибающая блядей в подворотне. Он не напрашивался! Он пришел к суке по любви!

Возмущение фарцовщика было искренним, но не убедительным. Терять солидного покупателя было глупо. Через неделю, проглотив до поры до времени оскорбление, Крестелевский сторговался с Матильдой на шестидесяти рубчиках за ночь любви. Естественно, кару за свою подлость Матильда должна была понести. Крестелевский даже начал строить кое-какие планы отмщения. Но дело возмездия подвигалось медленно. Не было еще опыта, да и злости настоящей еще не было в сердце..

К счастью дело возмездия взял на себя Господин Случай. Через полгода, недавно откинувшийся с зоны картежный шулер Гиря, видный из себя фраер, наградил Матильду сифилисом. По цепочке в вендиспансер зачастил и Чурек. От Матильды на свалке в Люблино свалкеры обнаружили одну голову. Гирю чурки кастрировали.

После ночи с Матильдой, Крестелевский почувствовал, что повзрослел в душе сразу на несколько лет. Отпали последние романтические предубеждения в отношении "необыкновенности" женщин. Отношения с подругами значительно упростились. Чтобы расширить круг выбора подруг, он стал ходить на танцы. Познакомившись, уже во вторую встречу предлагал подружке переспать. Видимо, ласковый, чуть ироничный и при том деловой тон он выбрал так удачно, что большая часть избранниц принимала предложения. Интуитивно он желал еще раз пережить те счастливые моменты, что мастерски устроила ему проститутка Матильда. Но что могли предложить необученные сексу соплячки, самозабвенно корчась в его объятьях. Они думали лишь о собственном удовольствии...

Шли годы. На личную жизнь разрастающийся бизнес оставлял все меньше времени. О создании семьи вопрос не возникал. Семья была самым слабым местом у любого теневика. Женщина и дети если не выдадут по своей наивности, то в любой момент могут стать заложниками и тогда теневик превращается в дойную корову. Это в лучшем случае: если хватит капиталов на выкуп.

Крестелевский не чувствовал более, что чем-то обязан отдавшей ему любовнице. Чтобы лишить телку шанса попользоваться его чувствами, он покупал ее. Он неизменно требовал от женщины после сношений сразу же получить расчет. Исчезнуть "с горизонта" со всеми своими душистыми запахами, кружевами и шпильками. До следующего приглашения. Себе он самонадеянно оставлял Независимость... И душевное одиночество, под тихими сводами которого так хорошо складывались все новые и новые, все более увлекательные коммерческие комбинации.

атерину Константин Валерианович отбил у Степана Ивановича. Она служила у старого блудливого хряка секретаршей. Это в руках Крестелевского Катюша округлилась и расцвела "маковым цветом". У Степана в предбаннике сидела дерзкая, тощая замухрышка с окладом всего в шестьдесят деревянных. Все силы этого тщедушного создания были истрачены на то, чтобы ежеминутно подчеркивать свою независимость. Ей просто не по силам и не по средствам было содержать свое костлявое, но стройное, очень пропорциональное тело в привлекательном виде.

Степан Иванович, прозорливый бабник, принял эту девицу на работу с дальним прицелом. Сумел, прохвост, рассмотреть в замухрышке полу явные задатки будущей красавицы. Степан намеревался превратить секретаршу в "секретутку". Это же так просто, если ты Большой Начальник, от твоей левой ноги зависит и оклад и премиальные, а девчонка в своей жизни не ела вдоволь не то чтобы паюсной икры, а даже колбасы приличной ни разу не наелась.

– Ну и кусачая сидит у тебя в приемной чувиха. Где ты, Степка, откопал эту мымру. – Хототнул насмешливо Крестелевский, увидев однажды в приемной Балыкина новую секретаршу. За бедняцкой "честной" внешностью проглядывало нечто обещающее.

– Как же! Артиска, понимаешь ли! – Взъерошился бакалейщик. – Вроде в ГИТИсе учится, если не брешет. Мать чахоточная. Жить не на что. Ни чо, Валерьянович, роги-то девке я обломаю. После медосмотра, сам понимаешь, звякнул гинекологу. Не сверленая, оказалась, девица. Первачек! Злюки, – они темпераментнее. Дай мне пару месячишков... Не у таких пломбу срывал...

– Не-а! Не обломать тебе этого бесенка и за полгода. – Подзадорил Валерианович Ивановича.

– Ты чего, Костя, заявился? Дело есть, – давай гутарь за дело. У меня ревизия, понимаешь ли, на носу, а ты базар разводишь...

– Брось дуру гнать, Степа! Больно боишься ты ревизоров...

– А чего я боюсь? – насторожился Степан Иванович.

– Боишься, что девку у тебя из предбанника уведу... – Ляпнул Крестелевский наотмашь и удивился на себя: зачем эту чушь ляпнул... Немного поудивлялся и озорство собственное ему понравилось.

– Да, ты оборзел, Константин Валерианович! – пролепетал старый боров. – Блядун ты известный, но поимей же совесть... Мы же с тобой давние кореша. Нельзя же так наглеть... На что тебе эта зачуханная пигалица! Гляди какие телки у тебя пасутся. Перестань хамить, прошу...

Как только Крестелевский понял, что Степана охватил мандраж, как только услышал стоны борова о пощаде, сердце так и вспыхнуло. И так захотелось отбить замухрышку, так захотелось потешиться...

– Трахнешь за два месяца свою козочку, даю сотню. А не трахнешь, – ты мне платишь пятьсот...

– Да пошел ты!..

– Идет! Вот если затащишь пигалицу в койку за месяц, моя ставка удваивается... А если этот гадкий утенок еще действительно окажется и целкой, – заплачу все две тысячи... Только так!

– Можешь сразу же и рассчитаться, говнюк. – Захохотал Балыкин, толкая опешившего гостя в бок толстым пальцем, укороченным ровно на одну фалангу. – Гинеколог после медосмотра сотрудниц сама удивилась, как девка дотерпела до девятнадцати лет без мужика...

– Не суетись, дорогуша. Докажешь, что пробил целку, – два куска твои...

– Якши. – С облегчением произнес Степан Иванович. – И это все, что тебя Ко мне привело? Скажи по дружбе, какой же это подлец растрепался тебе про мою Катерину...

– Мне начхать на твою дурнушку, – слукавил в свою очередь Константин.

– Катюшенька, организуй, милая, пару стакашков и легкий закусончик... – Проворковал Степан Иванович, распахивая дверь...

Ответа не последовало...

– Заинька, ты слышала просьбу своего шефа? – Бакалейщик покраснел от злости, вышел за дверь.

– Слышала. Слышала я вас... Это не входит в мои обязанности, – змеей прошипела секретарша, надеясь, что ее не услышит гость...

"О! А Степку-то уже охомутили! – Совсем развеселился Константин Валерианович. – Через пару месяцев дрессировки – он точно будет шаркать перед сучкой на полусогнутых.

Не такая уж сквалыга эта девчонка. Мозги у нее есть. Придется, видимо, Степану поделиться своей жемчужиной. Не детей же нам рожать... Полюбимся разок другой, тогда и думать будем, а сейчас надо ковать пока горячо... Главное затащить в койку... Сейчас это самое главное. Может быть, мое любопытство не имеет под собой никакого основания...

– Да ладно Балыкин, обойдемся без чая. – Засмеялся Крестелевский.

– Хер с тобой! – Запыхтел оскорбленный Балыкин. – Но если я не уложусь в срок, девку ты не трогаешь, договорились?

– Но как я узнаю, что ты меня не кинул?

– Я сделаю фотографию, когда она будет совсем голая... – Хохотнул как зарыгал бакалейщик Балыкин.

– Лады!

– Ну, а явился ты зачем?

– Ширку поступила партейка рыжья...

– Колыма?

– От басурман...

– Туркмения? Нет, Туркменское золотишко плохо почему-то идет в этом году. Зубари волну гонят, мухлюют мусульмане...

– Да ты погоди, Иваныч, – поморщился Крестелевский, понимая, что дело не в качестве золота, что дело в желании Степана Ивановича по своему обыкновению поторговаться...

– Нет, нет, не столкуемся, – Замахал руками Балыкин.

– Да не в слитках! Не в слитках рыжье, Иваныч! Россыпью! Высшей пробы песочек... Держи на пробу сто граммчиков... Десять кило потянешь?

– А то!

– Ну, тогда разбежались, – поднялся из кресла Константин Валерианович. Стал надевать велюровую шляпу цвета Беж. Смахнул платочком пыль с итальянской лакированной туфли вишневого цвета... – Да, и еще. Ты поймей в виду, Широкий не уполномочен устанавливать цену... Один раз он попытался содрать с клиента комиссионные...

– Ну, так надо поучить вахлака.

– На первый случай дал ему отбрехаться... Вот завершим операцию, а там посмотрим...

Пока.

Увы, не выиграл Крестелевский пари с бакалейщиком Балыковым. Катюша, голенькая, на цветном фото выглядела совсем не замухрышкой. Балыкин получил двести долларов и похвалялся попозже представить доказательства, что именно он "просверлил жемчужину".

– Это только аванс. Готовь еще пару штук. – Подмигнул залихватски Балыкин.

Валерианович честно исполнил условия пари. Сам не появлялся у Балыкина, но это не значило, что он пассивно ждал как повернется Фортуна. Проигрывать он не любил категорически. Каждую пятницу в коммунальную комнату, где ютилась Катя с матерью и братом, стучались посыльные... На машине Крестелевского для Кати доставляли букет белых хризантем, шампанское и объемистый пакет тропических фруктов, и это – в московском феврале месяце. Под фруктами, чтобы не выглядеть вызывающе, лежали пара банок икры, черной и красной, а так же обязательный батон сырокопченой колбасы...

Катя сама разоблачила подвох Крестелевского. Однажды, в понедельник вечером, она позвонила Константину Валериановичу домой.

– Зачем вы меня преследуете? Что вам нужно от меня?

Крестелевский мгновенно понял: настал момент, когда одно верное слово, правильно сказанное, могло с успехом заменить не один месяц ухаживания за самой привередливой дамой. И он рискнул пойти "Ва-банк".

– Вообще-то, мне нужно от вас не больше чем любому мужчине... Которому есть что предложить... Помимо секса...

Крестелевский замолчал, предоставляя Кате повесить трубку или разразиться громом и молнией... Катя ответила тем же – выжидающим молчанием. Шанс кинут.

– Вы же понимаете, – я не промах. Могу понять молчание как знак согласия. Разрешите пригласить вас...

– Как я поняла, Степан Иванович передал вам одну мою фотографию...

– Да. Передал. Впечатляет, скрывать не буду. Но, заметьте, свои презенты я начал посылать вам задолго до того.

– Понимаю. Я согласна встретиться, чтобы получить украденное у меня фото обратно...

– Я верну. При условии, что вы станете хозяйкой моего офиса на Неглинной. Оклад ваш увеличится в пять раз... Испытательный срок две недели... И еще придется поучиться на экономических курсах при МГУ.

Вот как все повернулось. На стороне Катя и Крестелевский встретились всего два раза. Этого Крестелевскому было достаточно, чтобы убедиться: Балыкин все-таки обул его на двести баксов... Катю он несколько раз водил в кабак, это было, но трахнуть, не трахнул ни разу. Правда, Катя оказалась "просверленной жемчужиной". Юморист гинеколог. Еще два года назад неудачное замужество и развод заставили Катюшу для продолжения учебы в Гитис искать побочную работу. Так она попала к Балыкину.

Больше наводящих вопросов Крестелевский не задавал. Он взял Катю на содержание. Снял для нее уютную двухкомнатную квартирку на Неглинной. Принимал ее у себя по субботам и средам. Содержантка была счастлива. У нее появилось, кроме сытости, столько свободного времени. Нужда более не мешала целиком посвятить себя "магии театрального искусства".

А Крестелевский сначала привык к темпераментной, скромной, совершенно необременительной подруге, а потом, утратив всякую осторожность, и влюбился. Как сокрушался Вабля, – "втюрился лопух без задних ног". Это было так неожиданно для самого Крестелевского, что он поверил в свое чувство лишь через год. И тогда они поехали в Париж...

В Париже и закрутился последний роман Крестелевского "на всю катушку". Грузная, разлапистая конструкция Эйфелевой башни, по сравнению со стройным, роскошным телом Кати показалась ему похожей на клушу. Это прошлогоднее путешествие, вызвало небывалый прилив страсти и обожания к совсем малознакомой актриске.

С помощью сообразительной Катерины шумно и красиво проматывавшей его доллары, он по-настоящему смог насладиться плодами своих многолетних, опасных трудов. Катя помогла ему избавиться от комплекса ущербности вечно таящегося тенивика. А этот комплекс крепко портил ему настроение при виде с каким вкусом упивались своим богатством настоящие буржуи. Только в тот раз в Париже он распробовал по-настоящему, – как хорошо, как приятно быть богатым и щедрым рядом с юным благодарным созданием, обожающим изысканные блага жизни.

Какими же пресными казались теперь его тщеславные подпольные труды. Расточительство выглядело куда более красивым, чем накопительство. Вполне возможно, он так бы зачих в сетях страсти к накопительству, если бы не рискнул раскрутить свою юную пессию. Прекрасное тело юной женщины оросило его одиночество живительным соком молодой жизни, жаждущей первого зачатия... И одиночество в замешательстве уступило Катюше свое законное место в его сердце. Это было чудо возрождения. Впервые, без всяких "но", Крестелевский почувствовал себя счастливым. Настоящим, не купленным счастьем взаимной любви.

Казалось, именно благодаря Катерине очарование счастливого путешествия, продлится на многие годы... Несомненно, продлится, если обычная, купленная на время, нахлебница холостяка превратится в законную супругу. Само собой, она посвятит оставшуюся жизнь бережению в домашнем очаге негасимого огня Счастья своего мужа. Так мнилось... И появилась мечта о семейном уютном уголке...

Измена Кати, казалось, окончательно должна была убедить Константин Валериановича в том, что природа не создала и не могла создать для него такую женщину, о которой мечтала его Душа. Именно так! Он должен примириться с нерадивостью природы. Довольствоваться тем, что подсовывает ему реальная жизнь... Принимать женщин такими, какими создал их Господь бог. Давно пора оставить нелепые попытки приспособить реальную женщину к своей самонадеянной мечте.

Да не тут-то было. Крестелевский не был настолько глуп, чтобы не подозревать в своей Мечте о женщине жене и матери его детей, бесполое, недееспособное порождение упрямого, самонадеянного воображения. Да, Катя – это было наваждение. Но это наваждение теперь одно освещало его внутренний потрясенный изменой мир, мир трудоголика полупрозрачного бизнеса. Одно теплило веру, почти мистическую веру, что жизнь имеет смысл более привлекательный, чем соблазн оголтелого накопительства капиталов, которому он отдал лучшие годы своей жизни. Взять хотя бы мечту о том же пресловутом Первом Миллионе, мечту идиотов. Оказалось – это вовсе не мечта, так – переходящая задача начала карьеры для молодого скряги.

Женившись в первый раз в тридцать три года, Константин Валерианович был еще полностью во власти расхожих стереотипов представлений о девушке-невесте. Взял в жены разбитную, но порядочную третьекурсницу педагогического института, Светлану Березину. Из простых девок, избалованных, еще, потребностями. Действительно "блюдущих" для первой брачной ночи патриархальную девственность. Как будто целостность гарантировала счастье на все время замужества.

Крестелевский повел Светлану под венец вовсе не по душевной или физиологической потребности в семейной мороке, но под давлением раздраженного самолюбия. Ему надоели игривые подначки женатых мужиков. Эти кобели воспринимали его затянувшийся холостяцкий период жизни как некую, тайную неполноценность. А как же! они считали, что женитьба – это веха на жизненном пути и он им поверил, доверился... И, конечно же, совершил ошибку... Не объяснять же каждому встречному поперечному, что веха в жизни настоящего мужчины –

это первый миллион! пусть деревянными, но миллион! потом – еще миллион... потом лимон уже зелеными...

Светлана попыталась переложить домашние заботы на Крестелевского, хотя сама занялась всего лишь мелкой фарцовкой. Молодая жена требовала слишком много внимания. Она претендовала сделать для него вопросом самым важным в его жизни свое таинственное "женское счастье". Более важным, чем даже подпольный бизнес.

Его природная личная порядочность под давлением Светланы странным образом стала извращаться. Но Крестелевский жалел Светлану, стирал даже ее исподнее, и в то же время понимал, что это не справедливо и не надолго. Не мужское это дело. Но скандалить не стал... И стирать перестал.

Семейные отношения стали очень напоминать долгосрочную сделку. Муж и жена, после выветривания оболещений медового месяца, быстро превратились в партнеров по сделке и вынуждены были бороться в брачной сделке, каждый по отдельности, за свои личные права, интересы и выгоды.

Какое-то время сделка Крестелевского устраивала. возникло даже некое извращенное взаимопонимание со Светланой. Почему бы нет? Стоит только отказаться от привилегии мужа ежедневно обедать дома и жизнь станет сносной.

Ко всему прочему, Светлана оказалась бесплодной. Первые полгода Крестелевский активно хлопотал вокруг неполноценной жены. лучшие врачи с их модными лечениями не сумели заставить недоразвитую матку молодой женщины совершить подвиг деторождения. Светлана так и не забеременела.

Сдержанный в проявлении чувств, Крестелевский как-то сразу сник и более не поминал про ребенка. светлане показалось, он смирился.

День Светлана проводила в шнырянии по знакомым завбазам, распределявшими "дефицит" по торговым точкам. это были люди уважавшие Крестелевского. жена пользовалась именем мужа как гарантией своей финансовой состоятельности. за солидные комиссионные Светлана пробивала для универмагов сверхплановый товар повышенного спроса. не брезговала появиться на беговой на толчке с парой фальшивых джинсов. однажды даже сбыла чучмекам партию фальшивых баксов и ликовала...

Но вечера, когда Константин так любил подымить своей вонючей папироской Беломор, лежа в кабинете на диване, но вечерами Светлана стала заниматься развитием своего эстетического вкуса. Завела наперсницу, Киру Львовну, жену торгпреда в Норвегии. На пару они посещали театры и концертные залы. Очень быстро женщины отдали свои эстетические предпочтения классической музыке и превратились в завсегдатаев концертного зала имени Чайковского.

Однажды, возвращаясь домой на машине Крестелевского с телохранителем за рулем, Светлана посочувствовала Кире Львовне.

– Как же тебе, Кирочка, одиноко ложиться сейчас одной, в холодную постель...

– Знаешь, душа моя, я привыкла. Одиночество – удел каждой порядочной замужней женщины... Нелегко с ним ужиться, но надо. Нада! Если хочешь сохранить семью.

Ни одному слову подруги Светлана не поверила, но, тем не менее, жеманно согласилась с ложью Киры.

– Я согласна, нам, бедным женщинам, нелегко, но семья – это наш нравственный долг, который мужчинки оценить не способны... И все же мне тебя жалко, всем сердцем жалко...

– А то тебя ждут горячие объятия, – пошутила Кира Львовна...

– Ну, я – это совсем другое дело, милая моя... Я так только ради "этого" и терплю своего буку. Знала бы ты у меня, какой он неблагодарный. Кое-как делает свое дело и сразу спать. Отдаешь мужику всю свою молодость, а что получаешь?

– А знаешь кто мне помог сделать прорыв сквозь женское одиночество? Ни за что не угадаешь... Музыка, настоящая музыка, дорогая моя... У меня идеальный слух, если хочешь

знать! Перед сном я ставлю пластинку с записью Вагнера. Особенно обожаю полет Валькирий... Я отдаюсь целиком! Музыка выжимает меня до капли! Я прямо музыкальная наркоманка. На хорошую пластинку любого мужика. Это очень хорошо снимает сексуальный стресс наяву... А во сне я вольна фантазировать все что мне вздумается... Моей сексуальной фантазии нет границ... Это такие сладкие, многоцветные сновидения! Лапочка моя, я часто испытываю во сне такой сильный оргазм, какой никогда не испытывала с мужчинами...

– О! как интересно! Неужели ты сама заказываешь себе на ночь эротические сны?

– Чушь! Чушь милочка! Ничто не приходит само собой! Чтобы словить ночью кайф, нужна правильная подготовка... Ты понимаешь о чем я?

– Да нет, не понимаю... Но хотелось бы знать...

– Так в чем дело, милочка моя!? – Кира Львовна взяла нежную, великолепно пахнущую ручку Светланы и прижала к своей горячей щеке. – Давай, душечка моя, следующий раз поедем не в концерт, а ко мне домой. А? согласна? Поставим пластинку Шопена... Мы проведем чудесный вечер... А своему скажешь... Ну, сама придумаешь что сказать...

– Надо подумать, – нерешительно молвила Светлана, освобождая свою руку из подозрительно запыхавших ладоней Киры...

– Ой, какая же ты еще дурочка... Ты подумала, что я лесбиянка? Признайся, что подумала?

– Да нет, – солгала Светлана, улыбаясь мучительной улыбкой полной растерянности...

– А что тут такого? женщина лучше мужчины знает, что приятно женщине, а что не приятно... Ты понимаешь меня.

– Да нет, я не осуждаю лесбической любви, – голосок Светланы забавно трепетал и Кира рассмеялась... Я смотрю, ты даже мастурбатором не пользуешься.

Кира положила горячую ладонь на колено подруги, обнажившееся из-под короткого платья. Ее немного лихорадило. Вложив липкие от помады губы в ушко Светланы она шептала искусительные слова там томно, что Светлана тоже стала против воли своей возбуждаться. Она уже не возражала, когда рука Киры скользнула по внутренней поверхности бедра...

– Но самые божественные ощущения переживаешь, когда в полумраке под песню Сольвейг ласкаешь себя "там" нежным перышком. Божественные минуты... Поверь мне, это истинное наслаждение. Мне сейчас так одиноко. Месяц назад от меня ушла прислуга, простая деревенская девка, но какая страстная, если ее хорошо подготовить...

После этого разговора Светлана перестала тяготиться все возраставшей холодностью мужа. Когда груди и матку начинало саднить от вынужденного воздержания, она ехала к своей бесстыдной напернице.

Светлана не отличила смирение мужа перед непреодолимым препятствием от вынужденной скрытности. Светлана успокоилась на том, что раз в месяц, а то и в два, жертвовала весьма похотливому Константину свое упругое тело. Ей мнилось, – ее самопожертвования хватит на всю оставшуюся жизнь.

Решив сексуальные личные проблемы, Светлана сочла своим супружеским долгом решить хотя бы искусственным образом для чадолюбивого Крестелевского проблему наследника. Теперь-то она точно знала, что это единственная причина медленного распада их семьи. Чтобы обеспечить свое будущее навечно, умница решила сыграть роль кукушки и принести в семейное гнездо подкидыша.

Первый же намек на усыновление чужого ребенка из интерната, вызвал у Крестелевского такое потрясение, что он слова не мог вымолвить. Не собирая своих вещей, прихватив лишь компьютер и портативный, электронный калькулятор, Константин Валерианович поселился в гостинице Москва. Из номера он с курьером передал Светлане короткое сухое предложение. Крестелевский предоставлял жене право жить своей отдельной жизнью. На нее же возложил хлопоты о разводе, если на то будет желание.

А козырнул обиженный Широкий уже через неделю после мальчишника по поводу дня рождения Крестелевского. Первым его выпадом было избивание отшившей его любовницы. Два нанятых Широком убийцы подловили Катерину в море напротив Судакского санатория ВВС. Киллеры поднырнули под Катерину, за ноги утащили на глубину и били пока не утопили.

Когда Крестелевскому сообщили о подлости Широка у него случился микро инфаркт. В Кремлевской клинике его навестили друзья. Он подозвал глазами пахана Анатолия по кличке Канарейка и шепнул на ухо.

Широкий взбесился. Это первый ход. На этом хорек не угомонится... Пораскин мозгами... Как в воду смотрел Константин Валерианович. Он еще не выписался из клиники, как грянула другая беда. С Колымы, с прииска Солнечный прибыли в столицу два несуня с грузом. Дело регулярное. При них находились три кило драг-золота в мелких самородках. Но на этот раз ментам поступила наводка. Квартира, где, перекантоваться несуня с товаром в первую ночь, была поставлена под круглосуточное наблюдение.

Следаки не суетились. Курьеры их интересовали во вторую очередь. Закинули мусора сети на крупную рыбу. Ждали следаки, когда объявится хозяин рыжья и начнется реализация драгметалла... В группу топтунов, пасущих курьеров с Колымы, был назначен и Ваблия.

Узнав об этом, Крестелевский немедленно вызвал Марат Ерофеевича к себе в отдельную палату.

Это мое золото, – без обиняков заявил Крестелевский. – Уже оплачено оптом и его ждут в Литве. Стук исходит от Антона Емельяновича Широкова. Стопроцентно! Это старый канал. Хорек в курсе маршрута доставки. Через Широка до последнего времени была организована розничная торговля по стоматологическим кабинетам Вильнюса. Мы со Степаном наладили новые каналы, но на старых путях у Широка, видимо, сохранились связи. Возможно, он кого-то перекупил из новых курьеров... Выявлять двойников уже некогда... Горим, горим синим пламенем, дорогой Марат Ерофеевич.

Говорил Крестелевский с одышкой, мученический взгляд его выражал отчаяние. Константин Валерианович не мог скрыть, что сейчас боится Широка, боится по причине своей физической немощи.

– Но что я могу, – пожал Ваблия плечами.

– Марат Ерофеевич, не в службу, а в дружбу, сделай доброе дело... Широкий не остановится... Надо предупредить курьеров. Ты же у них на хвосте.

Ваблия долго, пристально смотрел в глаза Крестелевского.

– Я не один пасу перевозчиков. Боюсь засветимся. Имеет смысл отступить от этого рыжья. Можем потерять больше.

– Понимаю, чем ты рискуешь. Я компенсирую...

– Не хотелось бы загреметь под фанфары со службы. И потом, почему я, а не твой палач Канарейка? В конце концов, подключи своего друга, генерала Приказчикова?

– Генерала усиленно уходят на пенсию. Он уже почти не у дел. Марат, выручи... Предупреди гонцов. Пусть перекантуются на даче Степана Ивановича в Переделкино. Он в курсе. Свяжись с ним.

– Ты понимаешь, что мне хана? Дело не в этой партии сырья. Если возьмут гонцов – накроется вся моя сеть. Полетят головы от начальников приисков до министра цветной металлургии. Мне нужен месяц, чтобы прикрыть поставщиков и поменять маршруты доставки рыжья. Я в долгу не остаюсь... В случае прокола, и работой тебя всегда обеспечу, сам понимаешь...

– И ты, понимаешь, – работаю не ради заработка. Ментовка – моя судьба. Не представляю, чем займусь на гражданке. Я ничего более не умею делать, кроме как выслеживать и ловить ворье...

– Марат, выручай... Дай мне месяц на раскрутку. Выручи, богом прошу.

Неделю сыскари топтались вокруг засвеченной квартиры, однако, золотоноши там так и не появились. Кто-то предупредил курьеров с Колымы о засаде... В Муре началось служебное расследование по факту утечки строго секретной оперативной информации. Внутренняя контрразведка свирепствовала как никогда. Уж очень профессиональным был стук. Не подкапашься... Под подозрение попали почти все сыскари группы, охранявшие квартиру и ее хозяйку. Но прямых доказательств предательства добыто карателями не было. Операм грозило, как минимум, позорное увольнение из органов.

Едва оправившемуся от недуга Крестелевскому, пришлось подключить все свои связи в органах и правительстве, чтобы отмазать хотя бы важняка Ваблю. Остальных сыскарей уволили... Капитана Ваблю даже не понизили в звании, всего лишь, по приказу генерала, перевели из уголовки в ОБХСС, к бумажным крысам. Но покровителю Вабли на самом высоком уровне дали понять, что официальная милицмейская карьера его протеже загублена под корень. Отныне каждый шаг важняка будет фиксироваться.

Получалось друга Ваблю менты превратили в наживку, чтобы через его попытаться выйти на сеть снабжения столицы неучтенным на приисках золотом. Спасая Марата от незавидной роли невольного провокатора, Крестелевский потратил еще сотню кусков зелени... Было предложено Вабле продолжить сотрудничество с органами на неофициальном уровне, т. е. стать тайным осведомителем, платным секретным сотрудником, короче – сексотом.

Только по настойчивой рекомендации Крестелевского Вабля согласился на довольно грязное, для чести офицера, предложение. Через три месяца, как только скандал с драг-золотом погряз в трясине криминальных будней Петровки, капитан тихо-тихо уволился из милиции « по собственному желанию ». Родился новый Сексот...

Инфаркт у Крестелевского хоть был и не совсем инфаркт, скорее первый звонок развивающегося сурового недуга, но следы его болезнь оставила разительные. Седина с висков перекинулась по всей голове, он стал белым как лабораторная подопытная мышь.

Константин Валерианович не заводил более постоянной любовницы, хотя личный его терапевт продолжал настоятельно рекомендовать ему отказаться от холостяцкого образа жизни. У Крестелевского словно поубавилось былой выдержки. Он стал нетерпелив, порывист в жестах и неумолим в деловых решениях. Едва покинув стены клиники, он распорядился отомстить за Катерину...

Вершилось наказание Антона Широкова без спешки и весьма обстоятельно. Анатолий Канарейка достал Ширка, не смотря на личную охрану из пяти бывших мусоров. Не без стрельбы, но достал. Ширка похитили ночью прямо с базы, из подсобки, где он ночевал последние дни, резонно опасаясь появляться в собственной квартире. Заперли хоряка в подвале бывшего поповского особняка в дальней Вологодской деревне, обезлюдившей в период укрупнения колхозов.

Но распорядиться предателем согласно жестким воровским законам авторитету Канарейке не позволили. Рука заказчика расправы повела разборку странным образом. Допрос велено было Канарейке провести с великим пристрастием, но без членовредительства. Ширку мало не показалось, однако шанс для спасения жизни доносчику был все же предложен: хочешь жить, – сдай, для начала, заказчику исполнителей покушения на Катерину. Это был лишь первый этап бескровной, но не менее жестокой кары Крестелевского для похотливого дурака. И Ширков немедленно раскололся.

На втором этапе возмездия, сыскарь Вабля вычислил обоих наемников Ширка, угробивших Катерину. Аквалангистов из Феодосии и сдал их все тому же пахану Канарейке. В свою очередь, и киллерам был предложен выход: заложить Ширка ментам и вместе с ним отправиться на воркутинские шконки, т.е. нары... А там как бог даст.

В итоге, Ширка на лесоповале порезали, по пьянке, бензопилой. И опять же не до смерти. Его даже не кастрировали, как настаивал Анатолий, державший связь с дружбанами в зоне...

Жизнь слепому, безрукому уроду оставили... Если это жизнь... Одного водолаза, естественно, придавило бревно при погрузке шпальника на баржу. Другого ошпарило у котла при варке из хвой пихтового масла. Обоим была деловито обеспечена верная, но медленная смерть.

В августе, методом тыка, Крестелевскому подобрали, вместо Катерины, новую секретаршу. Скромная, симпатичная Вероника Узлова справлялась со своими обязанностями даже получше Катерины. Единственное, что было в ней "не в жилу" для Константин Валериановича – девица всячески увивалась от совместных с шефом "командировок". Особенно она боялась ездить для заключения договоров на юга. В Баку, Тбилиси и Новороссийск. Лапушка тщательно блюла верность своему жениху, инженеру-химику, стажировавшемуся в Австрии.

Это забавляло Константин Валериановича. Он любил наблюдать, как уныло вытягивалось личико Вероники, когда он галантно подносил ей без всякого повода сногсшибательный подарок. Бриллиантовое кольцо или там холодильник Розенлев. Взять ей очень хотелось, но муж был далеко, посоветоваться не с кем. Подарок лежал в сейфе или торчал в приемной, до тех пор, пока не приходил ответ из заграники. И ответ приходил, всегда поощрительный: презент скромно и незаметно переключивал в квартиру неприступной Вероники.

Когда в ноябре Вероника впервые пришла в дубленке, поношенной и не модной, Константин Валерианович решил сделать свою очередную, как он внушал себе, "невинную гадость". Под видом деловой поездки на переговоры, где потребуется застенографировать беседу, Крестелевский повез Веронику в Пушкинский Зверосовхоз. Он решил предоставить секретарше оглушительную возможность выбрать себе шкурки норки на шубу из особых, элитных, то бишь, блатных вольеров. Выбрать в их лучшую пору, когда сытые искрометные зверьки во всей своей красоте, себе на горе, еще резвятся за решеткой, не превращенные в пушнину.

Предвкушая щекочущее наслаждение, Крестелевский игриво насвистывал марш "не кочегары мы, не плотники", когда впереди показалась длинная нескладная фигура женщины в демисезонном пальто, закутанная белым пуховым платком. Женщина не соблюдала правил дорожного движения, двигалась в попутном с транспортом направлении. Ей было не до того на студенном ветру. Вокруг женщины бушевали снежные вихри от пронесившихся мимо грузовиков. Заслышав рев мотора, путница покорно останавливалась и, нагнув голову, отворачивалась от очередного натиска стужи. Она была в резиновых ботиках и тонких заштопанных чулочках.

– Гена! Тормози. – Приказал Крестелевский.

Черный Зим мягко, на кошачьих лапах, подкрался к заснеженной женской фигуре.

Крестелевский перегнулся через спинку переднего сиденья, распахнул заднюю дверь.

– Гражданка! Куда вам? Садитесь, мы подвезем.

Женщина не обернулась. Машина покатила рядом.

– Женщина! Перестаньте упрямыться, – вмешалась Вероника, недовольная странной поездкой. – Садитесь вам говорят!

Женщина оказалась воспитательницей детского приюта. Ее подвезли к подъезду интерната. Продрогшие ноги не слушались, сама она не могла вылезти из машины. Вероника с телохранителем вытащили ее и под руки, ввели в дом. Крестелевский вышел из машины. Закурил свой неизменный Беломор. Под деревянным навесом, украшенном монументальной резьбой, вокруг воспитательницы в телогрейке и мужской шапке-ушанке, сгрудились единообразно одетые дети... Им что-то внушали, но выюга уносила голос воспитательницы в мрачный еловый бор, окружавший интернат.

Еще слышался унылый скрежет железной лопаты. Крестелевский обернулся. Из-за угла здания лопатой выбрасывали на газон сухой сыпучий снег. Знойкая поземка подхватывала снег на лету и уносил обратно за угол здания. Там вздорный снег снова соскребали в кучку и снова метали против ветра на газон.

Отъезжая от подъезда, Крестелевский мимоходом взглянул, кто же это так упорно и так безнадежно сражался на морозе с непокорной выюгой. Это был мальчик, катастрофически

выросший из своего пальтишка и шапчонки на свалявшемся искусственном меху. На розовом открытом, необычайно серьезном, лице, над левой бровью отчетливо виден небольшой шрам. Сейчас, от мороза как иней белый.

– Эй, приятель! Как жизнь подневольная? – вскричал Крестелевский, выскакивая из роскошного ЗИМа. – Не признал!? А я тебя помню! Здорово! Сто лет, сто зим!

Мальчишка нахмурился, взял лопату, как винтовку, наперевес и стал пятиться к приземистому складу... Упершись в кирпичную стену, мальчишка повернулся спиной к незнакомцу и заплакал...

– Экий же ты нюня! – засмеялся Константин Валерианович, присаживаясь на корточки возле ребенка... – Не признал! Ну, брат, не хорошо!

Мальчонка повернулся и глаза его засияли...

– Я хочу покататься на твоей машине! – Мальчишка вырвался из рук Крестелевского и побежал к машине. Он забрался на переднее сиденье и стал махать рукой:

– Дяденька! Давай шустри! Поехали! Поехали пока Арина Емельяновна не видит...

С крыльца, натягивая на бегу телогрейку, сбежала долговязая старуха в зажеванном белом халате.

– Что за новости! Сашка, нахал! Ты куда это опять намылился!? А ну, сейчас же вылазь! Кому сказано!

Сашка пригнулся и стал дергать водилу за полу меховой куртки:

– Поехали, командир! Давай поехали, а то Арина счас тебе устроит!..

С виноватым видом Крестелевский подошел к грозной старухе. Она не позволила ему рта открыть.

– А вы тоже, хороши, уважаемый! Зачем мальчишку балуете!? Вы кто!? Он и так два раза убежал!

– Да вот, Сашкин родственник я. – Миролобиво улыбнулся Крестелевский.

– Что вы такое говорите! Какой еще родственник! Этого бедуина нашли в мусоропроводе, он с роду не видел ни отца, ни матери. Для Сашки каждый мужчина – родственник. Он не сразу научился понимать разницу между словами: свой, чужой.

– Он что debil?

– Сашка – нет. Запоздывает в развитии, но ласковый мальчик. Правда, резвый. Можно сказать, работающий паренек...

Заметив, что богато одетый незнакомец задумался, Лидия Ивановна не растерялась...

– Я смотрю, человек вы отзывчивый, не могла бы ваша организация выписать для нашей крыши двадцать листов шифера...

– Что? Не понял... А, шифер... Да. Да, сделаю... Позвоните... – Константин Валерианович подал Лидии Ивановне визитку и быстро пошел к машине...

– Гражданин, – окликнула Крестелевского Лидия Ивановна...

Крестелевский вернулся весьма удивленный...

– У вас какое-то странное, выражение лица... Виноватое я бы сказала. Что, вам неприятно видеть в каких ужасных условиях воспитываем мы детей, лишенных родительской заботы. Все клянут наше государство, а ведь у него сердце, оказывается, добрее чем у наших богачей...

Под ястребиным взглядом старухи серое лицо Крестелевского вспыхнуло алым нездоровым румянцем.

А, может быть, вам понравился мальчик и вы воспылали желанием дать ему конфетку... Господи, как благородно! И, пожалуйста, не злитесь на мою правду, я не боюсь вас, хотя ваши телохранители готовы меня растерзать. Посмотрите, ваши мордovorоты уже наострились. И вам не стыдно кормить ваших дармоедов-прихлебателей, когда весь месяц мы кормим детей одними макаронами?

Константин Валерианович был потрясен выговором самоотверженной старухи в безразмерных дырявых валенках.

– Простите. – Смиренно прошелестели сизые губы Крестелевского, от которых быстро отливала кровь.

Боевая старуха ожидала все что угодно, но не этого смирения богатого желчного старика, наверняка отвыкшего слышать о себе правду из чужих уст. Она переступила с ноги на ногу. Ее удивляло, что богач снес как должное упреки какой-то зловредной бабы. Она достала папиросы Беломор и случайный гость потянулся рукой к ее пачке. Дал прикурить старухе и сам закурил.

– Прощайте, – окрепшим голосом произнес Крестелевский и повернулся уходить.

– А Вы не хотели бы усыновить Сашу? – Торопливо, униженно скорчив просительную мину, выговорила старуха окоченевшими губами в сутулую спину странного миллионера.

Крестелевский дернулся и остановился. Лицо его выразило полую растерянность. Он стряхнул пепел с папиросы и стал медленно поворочиваться к беспардонной воспитательнице.

– Клянусь, гражданин, не пожалеете. Сашка честный. Его нужно только немножко подкормить...

– Усыновить?... Да с какой стати!

Миллионер даже не удивился неожиданному предложению. В предложении он не видел ничего необычного. Он хотел представить себе как впишется в его устоявшийся одинокий быт маленькое беспокойное существо. Он отвык от посторонних забот... Теперь даже в женщинах не нуждалось его сердце, не говоря уже о постороннем ребенке. Требовалось мгновенно переворочить свою жизнь и вспомнить как он раньше относился к детям вообще. Действительно ли он когда-нибудь хотел иметь ребенка. А если хотел, почему не пожелал взять приемыша из детского приюта...

– Вы говорите усыновить? – Повторил свой вопрос Крестелевский.

– Мне показалось, вы человек одинокий... И добрый...

– С чего вы взяли!.. – Дернулся Константин Валерианович.

Он очень не любил, когда кто-то пытался зайцем проехаться на его строго охраняемой доброте.

Ветер задрал полу халата старухи, Крестелевский заметил штопку на обеих коленках ее рейтузов и ему стало стыдно за свою несдержанность...

– А Саша, я вижу, вас узнал... Это ваши ребята летом покалечили солдат?

– Какая разница, кто проучил негодяев.

Лидия Ивановна продолжала упорно наблюдать за выражением лица странного незнакомца... Крестелевский не отвел глаза.

– Вы же богатый. Берите Сашу. Сделайте божеское дело. Не прогадаете...

Новый год усыновленный Крестелевским мальчик со шрамом встречал в его холостяцкой квартире вместе с личной воспитательницей и ее двумя дочерьми – подростками. Называл Константин Валерианович мальчика солидно: Александр Константинович. Саша называл приемного отца – Папа. Фамилия у Саши осталась своя, детдомовская – Беловежский.

Крестелевский собирался праздновать Новый Год на даче у Приказчикова, только что вынужденно вышедшего в отставку генерала из МВД. У него должны были собраться особенно близкие друзья-ветераны правоохранительных органов, с женами. Предстояло познакомиться с молодым полковником Черепыхиным Михаилом Самуиловичем, преемником Приказчикова. Менялся начальник, но не прерывались узы дружбы и взаимовыручки. Прикрытие бизнеса Крестелевского в лице еще молодого полковника имело даже свои преимущества. Свежее мышление, большая активность по причине еще не обеспеченного будущего, все это было на руку Константин Валериановичу. Неожиданностей не предвиделось. Заказан был цыганский квартет, гуляй – не хочу. Но вернулся Константин Валерианович из гостей что-то рановато. Еще не было и десяти часов.

Себе Крестелевский приказал считать, что причиной столь раннего ухода из дома Приказчиково, было желание встретить Наступающий год в кругу своей семьи. Да, да! Только та! С появлением маленького Саши у него тоже образовалась своя семья, усеченная, без женщины, но семья! Домашние новогодние праздники отныне следовало проводить дома, а не шляться по чужим людям.

Вставив ключ в замок, Константин Валерианович прижался ухом к дверям. Воспитательница Саши, Ирина Васильевна, играла на рояле Собачий вальс. Дурашливо отплясывая, дети громко топали и хохотали до поросычьего визга. Он рад был возвращению в семью, но спокойствия на душе не было.

– Что стряслось, – забеспокоилась молодая кухарка Ксения, принимая в прихожей шубу Крестелевского... – Константин Валерианович, да на вас лица нет... Опять сердце? Давайте-ка прилягте на диванчик. Я вам шиповничка заварю... Давленьице померяю...

Дети неожиданным появлением Крестелевского скорее были удивлены, чем обрадованы. Нет, улыбки их не погасли, но дурачиться ребятишки перестали. Ирина Васильевна и девочки, выстроившись в линейку, дежурно улыбались, наблюдая, как Саша, Александр Константинович, с разбега повис на шее приемного отца, мешая снимать вязаную безрукавку.

– Па, Марат Ерофеевич приходил. Просил завтра с утра позвонить и передал поздравления. А мне дал водяной пистолет. Мне так нравится...

Крестелевский несколько смущенно поеживался. Он еще не привык к "телячьим" нежностям ласкового ребенка. Веселье вернулось к детям, когда была вскрыта большая коробка дорогих игрушек, принесенная хозяином. Крестелевский, вняв настояниям Ксюши, полежал немного в кабинете на диване. Полистал газеты. Потом послонялся по квартире. Устроился в кресле в углу просторной гостиной, под роскошным кустом "чайной" розы, как-то подаренной Ксенией ему, холостяку, в день рождения... "Для уюта".

Сидит Константин Валерианович, закинув ногу на ногу, смотрит как дети в спешке обряжают почти трехметровую голубую елку... Смотрит и пытается поймать в себе чувство довольства семейного мужика. Он не плохо исполнил в этой гребаной жизни долг мужчины. Все у него есть, вот теперь даже наследник появился. Заботливый, старательный мальчишка. Есть Все... Нет праздничного настроения...

Очень хотелось Крестелевскому благодущия в эти минуты. Хотелось думать о лучшем в натуре приемного сына, воображать его будущее, фундамент которого он уже заложил... Не получалось. Надоедливо трезвая мысль навязчиво ковырялась в том немногом, что казалось ему нежелательным в характере будущего наследника. Что не удосужился дать мальчишке Всевышний, удастся ли дать ему, Крестелевскому Константину Валериановичу? Он горбом заработал право собственными руками слепить из сына толкового дельца. Слепить Новую Судьбу по своему образу и подобию. Удастся ли исправить несправедливость, допущенную Вседержителем по своему недосмотру?

Пытался представить Крестелевский кто же родил Сашку. Наследственность мальчишки была смутной. Кто отец, кто – мать, установить так и не удалось. Единственное что установили адвокаты с достаточной достоверностью, – Сашку нашли в Марьиной Роще, в контейнере для мусора. Восьмимесячный, он умирал от холода и голода в картонке из-под стирального порошка.

В его годы Крестелевский бойко торговал коллекционными марками. Имел в подвальном сарайчике тайничек, где хранил от посягательств матери две почти полные копилки, – большие жестяные банки из-под канадского кедрового масла. Одну с бумажками, другую с монетами. Он не трогал свои сбережения, даже когда дома не было денег на хлеб. У Сашки же деньги в карманах не залеживались. Что значит нищета. Заимел – проел. Хотя дома еды было "от пуза".

В первые дни пребывания в его доме приемыш, почему-то, не столько напоминал ему человеческого детеныша только немного подросшего, оживленного щенка. Щенка, потеряв-

шего хозяина, и в поисках снующего в толпе жизни меж ног прохожих. И в то же время, Александр Константинович не выглядел беспомощным и забытым. Паренек уже кое-что знал из науки о выживании и заглядывал в глаза проходящих мимо не потому, что хотел всего лишь чем-то с голодухи поживиться... Этот расторопный щенок получил от природы здоровое, хорошо развитое чувство доверия к человеку, которое одно порождает родственные отношения. Безродный оголец интуитивно искал родственных отношений, если не родственную душу. И правильно это делал. Мальчишка активно, как умел, но активно искал того к кому будет обречен всем своим существом испытывать благодатное чувство преданности. Подрастающая псина искала доброго хозяина и глаза его заранее излучали аванс доверия. А это уже талант, бесценный талант, выдающий готовность из благодарности подвергнуться дрессировке.

Вот только выберет ли воспитанник " своим Хозяином" именно его, Крестелевского? Простодушие приبلудных бедолаг в условиях реальной жизни иссякает быстро... Не стал бы в своем усердии приемный щенок прихлебателем того, кто погрознее на вид и этой грозностью больше похож на хозяина с точки зрения безродного приемыша. Ведь руководствовался малец не самостоятельным здравым смыслом, но полузвериным стадным чутьем.

К сожалению, Саша был закомплексован на примитивной "честности". Эту извращенную, мелочную честность плебея, привил ему приютский детский контингент, в купе с педагогическим коллективом. Прямо-таки вбил в башку как лишнюю заклепку. Да, ему внушили священный трепет перед Законом, который олицетворяет каждый, кто старше его, а значит сильнее его. Но никто не объяснил, что Закон этот, что любой Закон те кто сильнее вертят как хотят себе на выгоду. Вот как объяснить дурашке эту житейскую механику манипулирования Сильными поведения Слабых...

Забавно... Порвав, штаны, лазая на дворовый тополь, Александр Константинович тут же бежал доложить о своей провинности Ирине Васильевне или Ксении, кто был дома. С тупой покорностью выслушивал он неизменную нотацию на тему об аккуратности. А про себя думал, счетовод сопливый, вот и еще можно записать на свой счет очки в извечной игре детей со взрослыми в послушание, оборачивающееся в итоге ласковой похвалой. И найденную на улице монету Александр Константинович немедленно нес домой. Нес, заранее зная, что монету позволят ему оставить себе. На мороженое. Да еще добавят на вторую порцию, – "за честность". Забавно...

В то же время, когда, в порядке пробы сил, во дворе на него напали пятеро пацанов и произошло нешуточное побоище, об этом бедовый Александр Константинович не проговорился даже отцу. А ведь заводиле своры кирпичом, прицельным, жестоким ударом Саша сломал нос, да еще, в ярости, едва не задушил... Вот еще и с тормозами у сорванца не лады.

"Бедное дитя природы"... – Вздыхнул Крестелевский. Сколько раз наблюдал он в своей жизни как естественно детдомовцы, не помнящие ни роду не племени, прибивалось к бандам. Эти изгои Отечественной войны становилось в разборках самым преданным, ударным зомби Главаря.

Крестелевский посмотрел на сверкающие золотом роскошные иконы Строгановского письма, повешены в красном углу богобоязненной Ксюшей, главным декоратором холостяцкого дома. Посмотрел и спохватился. "Зарвался ты, дорогой Константин Валерианович. Осторожнее надо обращаться с суевериями. Богов, привыкших к абсолютному почитанию мертвых, лучше не тревожить".

Пытаясь оправдаться за свою бесцеремонность в обращении с "боженькой", Крестелевский, мысленно обращаясь к загадочному Всевышнему, на этот раз решил немного слухавить и повинился. " Плохому я сына не научу. Сашок должен иметь одинаково четкое представление о темных и светлых сторонах русского непредсказуемого бизнеса. Мой сын должен любить риск и уметь рисковать... Уметь идти напролом и в то же время оставаться человеком, уважающем

себя и чужие коммерческие интересы. Только так. Христопродавцем он никогда не будет. Уж я за этим прослежу. "...

Позвонил директор ГУМА – Чумакин Альберт Федотович. Не ожидал, что застанет. Звонок протокольный, директор просто отметил, но приятно выслушать елейные пожелания счастья и удачи в Новом Году даже от прохвоста... А настроение так и не поднялось.

Крестелевский прошел на кухню. Ксюша раздумянулась возле плиты. Невысокая крепенькая хохлушка благоухала имбирем и корицей. Магазинных тортов она не признавала. Ее свежий, здоровый, совершенно "домашний" пот придавал заморским пряностям особую приятельность. Константин Валерианович крепко хлопнул Ксюшу по заднице. Кухарка благодарно засмеялась.

– Ксюша, ты это, сходи-ка на неделе в Елоховский собор. Крестить будем Сашку.

– Наконец-то! А я все боялась к вам с этим подступиться. Слава тебе, господи! Может, дома покрестить, большой все-таки Саша? Батюшка знает вас. Он все сделает как надо по Закону.

– Это, Ксения, твои заботы. Сегодня заночуешь у меня... Утром дам тебе тысячу рублей, пожертвуй попу.

Ксения немного смутилась, но возражать не стала.

– Можно я позвоню из вашего кабинета домой? – Пряча глаза, робко спросила кухарка. – Надо бы предупредить Васю, чтобы не ждали... Скажу гости понаехали...

– Заодно постели нам в кабинете.

В одиннадцать часов Сашок усадил девчонок на лучшие места, поближе к тарту. Придвинул к ним огромную хрустальную вазу с разноцветьем самых лучших конфет, открыл бутылочки с пепси-колой и только после этого сам пристроился с краю детской половины праздничного стола..

К сожалению, в реальной жизни, от иного таланта не столько пользы, сколько заботы... Вот как Сашка обращается с девчонками? При первом знакомстве эти глупые мартышки ходили перед ним на цыпочках, вертелись как на иголках. Смех да и только! Эти, по-городскому, рано заневестившиеся пацанки во всю пускали в ход глазки и прочие обезьяньи ужимки обольщения. А Сашка, добрая душа, тут же растаял и повел себя как лопух.

– Константин Валерианович, без двадцати... Пора открывать шампанское, а то не успеем проводить Старый Год. – Напомнила воспитательница, поджав ярко накрашенные губки, похожие на куриную гузку.

" И за что я тебя терплю через силу? – подумал Константин Валерианович об Ирине Васильевне, откупоривая Новосветский Брют. – А ведь за "порядочность" и не терплю. За нахальную "порядочность", что торчит в ее чопорности как шило из мешка. Ты не оставляешь мне никаких надежд притерпеться даже ради блага неотесанного сына... – Блудливо улыбнулся Константин Валерианович воспитательнице. – Если все порядочные бабы такие зануды, – лучше пойти и утопиться в ванне"...

Крестелевский отодвинул коньячную рюмку, налил себе водки в фужер и залпом опрокинул ее себе в горло. Только так! Водяра еще не скатилась куда ей следует скатиться, а изнутри уже приветливо полыхнуло адское пламя настоящего наслаждения... Только так! Константин Валерианович придушенно крякнул и сразу повеселел...

Крестелевский все наблюдал и думал, думал и наблюдал, и мозги его, казалось, теперь уютно поскрипывали в такт праздничным, пустяшным мыслям... Дверь в кабинет оставалась открытой, но Крестелевский, занятый закусками и бушующим в желудке, блаженным пожаром, не слышал столь желанный звонок. Он очнулся, когда к нему подбежал раздумявшийся Саша.

– Па! Там тебе звонят, звонят, а ты сидишь себе как кот на именинах...

– Да, я. – Откликнулся разомлевший Константин Валерианович на вздорный голос Приказчикова.

– Ну, ты поимей совесть!! Ты куда пропал, Константин Валерианович?

– Встречаю Новый Год в кругу семьи..

– Ты что это выкобениваешься? Уже час ночи, я звоню, звоню...

– С Новым Годом, товарищ пенсионер!

– Э! Нагрузился... И дела забыл...

Крестелевского как обухом по голове огрели... Он вспомнил о своих неприятностях. Праздник был испорчен окончательно... Крестелевский молчал. Раз генерал позвонил сам, значит исчезновение его важного гостя понято правильно. Меры к устранению возникшего в дружеских отношениях напряжения приняты адекватные. Так что, не надо суетиться. Характер должно выдержать в лучших традициях солидных деловых людей. Генерал должен почувствовать, что звонок его, означающий извинение за допущенную оплошность, может и не решить созданных им же проблем.

– Я переговорил с полковником. Молодой ишо! Не объезжанный! Не понимает некоторых тонкостей службы. Надо извинить, Костя, полковника, – все это недостатки воспитания. Но, уверяю, теперь Черепыхин будет каждое твое слово воспринимать как Закон. Немного грубовато получилось, но да он парень с головой, советы мои и товарищей принял как должно. С покаянием. Выводы сделает правильные. Все злишься?

– Это не злость. Это грусть, Коля, дорогой ты мой. – Крестелевский. как мог, смягчил тон голоса.

– Но учти, я так и не понял, чем он тебя так достал... Вы и поговорили-то не более трех минут... Хоть убей ты меня, старика, – не понимаю!

– Разве шнурок этот не рассказал о своей новой идее?

– Какой идеи? Ну-ка, просвети матерого мента...

– Твой пристебай намекнул: пришло новое время, потому желательно наши отношения "укрепить еще больше"! Усекаешь, сто значит "больше". Я из ума еще не выжил и хорошо понимаю намеки... Зарывается твой преемник... А что дальше он учудит? Ты подумал кого выдвигаешь? Если полковник – не подлец, то уж точно наглец, как все выскочки!...

– А! Вот как. Чудак, пойми и ты, он же сказал – желательно. Так? – Нашелся старый лис, чем урезонить дружка, страдающего аллергией на наглость ментовских чинов.

– Так да не так. Не пудри мне мозги.

– О! Вникни! Желательно! Он же не берет тебя за горло! Каждая новая метла, садясь на должность, просто обязана провести какие-нибудь преобразования. И что ты взбеленился! Пооботрется парень. Ручаюсь, – пооботрется. Ну а если накинешь малость на молочишко детишкам, – и вовсе положишь полковника к себе в карман. Сам молодым не был? Ха-ха! А если серьезно, будь спок: О-Ко-ро-тим парня, – вот и вся песенка!

– Ладно. Кончаем базар-вокзал. – На скулах Крестелевского заиграли желваки. Заговорил он медленно, тщательно взвешивая и отчеканивая каждое слово.

– Если твой выкормыш считает себя таким крутым, что может у меня на ходу подметки отрывать, – я выхожу из игры.

– Стоп! Замри!

Предупреждение было исключительно своевременным, но Крестелевский слишком долго держал в себе занозу неприязни к тридцатипятилетнему полковнику Черепыхину. Вольно или невольно, этот хапуга оказал неуважение к "старшим", по мнению Черепыхина, – "по старинке" ведущим свои дела. Появилась угроза, что новая метелка поднимет слишком много пыли. Заноза за вечер успела нагноиться и ее нужно было выдавить из себя. Крестелевского понесло...

– Полагаю, тебя он первым выкинет на обочину. Понял!? Старый хрен! Мне доложили, чей он ставленник. Ты его вынянчил, выучил, но манипулировать им будешь не ты! А значит и не я! Так на хера мне эти причиндалы?!

– Ладно, усек! Уймись, порошу, родной! Больше ни слова, – не на шутку всполошился генерал. – Завтра встречаемся втроем. Приложим предмет к носу и поставим все точки.

– Приезжай, если хочешь, но один.

– Что так категорически?

– У меня чутье. Должен я приглядеться. Обождем открывать карты. Даже мент должен оставаться человеком, если желает получить доверие и честно заработать свой кусок. Давил наглецов и давить буду...

– Лады, Константинович. Разберемся. Жди в четырнадцать ноль, ноль.

– В два я поведу сына с подружками в Кремль на елку.

– Ах, да. А в пять?

– В семь.

– Передавай привет своему Александру Константиновичу. Не спит еще, сорванец? Боевой у тебя хлопец растет... Да, слушай, я, вроде, прошлый раз не понравился мальцу? Как считаешь, какой бы мне сварганить подарочек, чтобы подобрел твой любимчик?

– Не строй из себя генерала... – Сказал и хохотнул Крестелевский в трубку. А про себя подумал: лучший подарок, – если ты нацепишь очки потемнее, чтобы не видно было ребенку твои бесстыжие глазки цвета бутылочного стекла.

Мысль была очень точная и Крестелевский развеселился. Ого! Под елкой завели магнитофон Грюндиг... Дамы приглашают кавалеров... Господи, какой колченогий Александр Константинович в танцах... Куда смотрит Ирина. Необходимо немедленно нанять для наследника учителя бальных танцев.

– Ирина Васильевна! – Позвольте пригласить вас на танго.

– С удовольствием разрешаю! – расцвела воспитательница, которую разругать не заставили даже три рюмки Массандровского Кагора сверх двух бокалов коллекционного шампанского.

Крестелевский с удовольствием слышал свой басок, весело наполнивший гостиную. По глазам собравшихся он видел, что и домочадцам нравится его добродушный басок. Такой добродушный тембр у его голоса бывает не часто, только в лучшие минуты жизни. А это добрая примета! С каким настроением встретишь Новый год, таким он и будет.

Он рывком прижал Ирину Васильевну к своей груди. Воспитательница испуганно жглась, но трепыхаться не стала. Крестелевский понял, что для увеличения груди Ирина в лифчик подкладывает что-то упругое. Это рассмешило его. Он озорно сунул свой вздыбивший брюки член Ирине меж худых ног, а правой рукой стиснул ягодицу...

– Константин Валерианович, осторожно, дети!

Танцуя, Крестелевский стал теснить воспитательницу к кабинету. Наконец-то и ее пронял. Пылающая молодым румянцем, совсем неожиданным в ее сорокалетнем возрасте, Ирина Васильевна томно уронила головку на плечо кавалера...

– Ксюша, включи детям телевизор, – Сказал Крестелевский, стоя в двери кабинета. – Да, да, мы с Ириной будем смотреть Огонек у меня в кабинете...

Школьные оценки Александра Константиновича удручали. Кроме физкультуры, у сына были горбатые, с трудом натянутые тройки. Зато на гимнастических снарядах, на беговой дорожке он был первым даже среди старшекласников. Складный скелет, бугристая мускулатура сыночки на отменных харчах развивались так бурно, что, по всей видимости, забивали мозги, оттягивая на себя все жизненные соки парнишки. Саша все больше уповал на свою физическую силу.

Нет, по жизни, практической смекалкой, жизненной хваткой парнишка, даже опережал сверстников, выросших в тепличных условиях нормальной полноценной семьи. Но когда наставал час зубрить что-нибудь абстрактное, – математику там, русский язык или даже географию, сынуля увядал над раскрытым учебником. Так увядает в засуху не орошенный дождиком дикий цветочек.

Когда Сашке исполнилось пятнадцать лет, повариха Ксения, робея и "дико извиняясь", известила Крестелевского: по наблюдениям за простынями Саши, мальчик стал увлекаться онанизмом. Он стал поздно засыпать и трудно вставать по утрам... Опоздания на уроки участились. "Успеваемость" в школе скатилась еще ниже...

По глазам заботливой кухарки было видно, что она ожидает от Константина Валериановича "принятия мер". Примитивное, в духе народных предрассудков, воспитание Ксении не позволяло мириться с "пагубными" шалостями мальчика со своей пипиской... Особенно она трепетала перед мыслью, что об этой "грязной" привычкой мальчика узнает возвышенная воспитательница, и без того не довольная равнодушием Саши к симфонической музыке и высокой поэзии русских классиков...

Крестелевский, в душе, посмеялся над страхами доброй Ксюши. Не стал он приводить кухарке научную статистику. Наверное, Ксения ужаснулась бы, узнав, что мастурбацией половина современных мальчиков и девочек начинают заниматься уже лет с восьми. Врачи даже рекомендуют поощрять этот искусственный метод увода детской психики от своей природной сексуальной зависимости. Посмеялся про себя Константин Валерианович, но меры принял... Свообразные, но принял незамедлительно...

Ксения уходила ночевать к своему мужу Василию и ребенку после ужина, часов в девять вечера. Воспитательница Саши и того раньше. Уже на следующий день после доноса доброй поварихи на любимчика Сашу, в одиннадцатом часу, в квартире Крестелевского появилась расписная, волоокая крашенная блондинка с пышным бюстом и еще более пышными бедрами. Голубые глаза ее излучали обволакивающую истому. Большие, сочные губы молодой путаны были так похожи на перезревший персик, что казались съедобными. Надушена она была так сильно, что волнующий ее запах убил все прочие здоровые запахи опрятного жилья Крестелевского с почти аскетической обстановкой.

– Роза, мой сорванец теперь так увлечен игрой с собственными гениталиями, что не дождался моего возвращения. Раньше он без моего поцелуя в постель не ложился. Я думал мы посидим, перекусим, чтобы мальчик привык к тебе... Так что прошу извинить его невежливость...

Роза понимающе кивнула и стала деловито раздеваться, искоса поглядывая на хозяина: соблазнится он или не соблазнится. Останется ли она на всю ночь за повышенный гонорар или ее выпихнут в такси после демонстрации перед пацаном образовательного сеанса любви за обычную плату. Но Крестелевский не проявлял к отцветающему телу шлюхи ни малейшего внимания. "Скупердяй этот Крестелевский, боится заплатить двойной тариф", – насмешливо подумала душистая дива.

– Извини, малышка, я не предложил выпить. Для храбрости, так сказать... Все-таки мальчик... Первачек. Налить или потом? – Снова извинился Крестелевский.

– Потом, дорогой. Сначала займемся клиентом. А то твой сынок вконец истощит себя... Я не хочу стать неоплодотворенной жертвой детского рукоблудия... Я пошла... Мальчишку зовут Саша? Я не ошиблась?

– Да. Саша. Но можешь называть и Александр Константинович. Он это любит...

Роза подошла к зеркалу, проверила наличие на лице подходящей улыбочки и на цыпочках, жеманно покачивая изумительным задом, двинулась на работу. Крестелевский двинулся следом за голой гостьей к двери спальни сына, но она решительно повернула его прочь.

– Мой золотой, доверься мне. Я даже волнуюсь. Чудное приключение... Все будет по высшему разряду...

– Пожалуйста, моя пышечка, не торопись с оральным сексом. Мальчик и без того сторонится девчонок...

Крестелевский не отходил от двери в течение всего сеанса посвящения мальчика в мужчины. Что происходит с сыном, он мог только догадываться. Слышалось только сытое постанывание и трудолюбивое мурлыканье молодой "прости господи". Собственные воспоминания его о первом грехопадении по воле Маши-Матильды с омерзительной наглостью лезли в голову. Он отгонял их всеми силами.

Наконец, сексмашина засмеялась тихим ласковым смехом удовлетворения, чарующим смехом женщины до дна опроставшей свое лоно. Константин Валерианович решительно вошел в спальню сына. Включил люстру. Закрывая глаза руками, Саша восседал на тучных персях женщины. Роза увлеченно играла во рту его едва опущенными гениталиями... Саша был так увлечен происходящим, что не смутился присутствия отца. Роза уложила мальчика рядом с собой и с головой накрыла истерзанной простыней... Саша уткнулся в пахучую подмышку женщины и затаился...

– Как успехи, Роза? – Озабоченно спросил Крестелевский.

– Ого-го! Я вся трепещу... Клянусь, бычок растет что надо! Я бы хотела остаться в этой постели до утра... За так... Я вообще сегодня ничего не возьму с тебя за обслуживание. Каиф высшего разряда!

– Так не пойдет. – Крестелевский закусил нижнюю губу и отрицательно помотал головой...

– Жаль, Костик... И еще, может, я огорчу тебя, но у парня есть опыт. Никакой он не первачек. – Роза заржала как лошадь от щекотки...

– Саша, встань, пожалуйста, и надень штаны... Я должен с тобой поговорить.

Константин Валерианович знал, где Саша приобрел сексуальный опыт. Чему тут удивляться. Если в детском садике, мальчики и девочки, сидя на горшке, успевают познакомиться с отличием в строении тела противоположного пола, то уж при детдомовской скученности, Сашка мог вполне попробовать детского игрового секса. Ему было неприятно, что проститутка заметила его ложь, насчет целомудрия мальчика, и посмеялась над его наивностью.

– Какой же ты гад, Костя... – Прошипела Роза с презрением. – Я свободна?

– Нет, нет, дорогая моя... Оставайся в постели... – мягко приказал Крестелевский. –

Саша нехотя вылез из-под спасительной простыни. Роза шлепнула мальчишку по заднице. Вялый мальчик сел спиной к женщине, опустил голову. Крестелевский подошел, погладил сына по головке...

– Не отворачивайся, сынок. Посмотри какое красивое тело у Розы. Посмотри, посмотри внимательно, в темноте ты не рассмотрел и половины этой красоты...

– Роза мягкая и теплая... Как мама... – Прошептал Саша. Он потупился и более на Розу не смотрел.

Роза, не ожидавшая такого оборота, картинно повернулась на бок и, с любопытством стала наблюдать за мальчиком... Грудь ее более не подпружинивало возбуждение. Опустошенные, они потеряли форму и буднично свисали набок. Как авоськи. Крестелевскому сначала это не понравилось, но потом он решил, что этот натурализм даже кстати: пусть мальчик имеет возможность сравнить вид обнаженной женщины "до того" и "после того".

Константин Валерианович достал кожаный портмоне с золотой монограммой, отсчитал пятерками двести баксов и протянул путане. Роза, по привычке, быстро сунула гонорар под подушку. Саша проводил деньги задумчивым взглядом и теперь не сводил с голой женщины унылый, какой-то не детский взгляд...

– А хочешь, чтобы Роза еще раз пришла к тебе? – Обеспокоено поинтересовался Крестелевский у сына.

В знак отрицания, Сашка уверенно помотал головой и покраснел. Путана была потрясена детской неблагодарностью...

– Успокойся, мой мальчик. Мастурбация вовсе не порок. Я хочу, чтобы ты узнал о женщине все, что должен знать мужчина. Только так! Знать абсолютно все, еще до того, как твое воображение нафантазирует тебе о женщине всякой романтической всячины. Никогда не сопротивляйся своему чувству влюбленности. Никогда не отказывай себе в любви... Это радость радостей, мой мальчик, пока ты не стал рабом своей радости. Пусть красавицы проделывают свои обольстительные штучки в твоих штанах, грубо говоря. Но не в мозгах.

– Костя, не делай пи-пи против ветра. – Хохотнула Роза с издевкой. – Женщина и, правда, неземное создание и бороться с этим без-по-лез-но... Смешно, что ты этого не понял до сих пор. Мне жаль тебя, старик... Я – настоящая женщина! Ты больно делаешь своему отпрыску, а не мне. Да он и не родной тебе! Зря духаришься!

– Роза, не дергайся... – Крестелевский побледнел. Сжимая кулаки он приблизился к проститутке. Еще мгновение и он надает ей пощечин.

– Костя, кончай свой хипежь! Да ты просто завидуешь. Приемшь никогда не будет испытывать к тебе такой нежности, какую проявил ко мне. Он же тоскует без материнского тепла, а ты его лишаешь даже простой женской ласки... Чем я хуже любой другой женщины?... Мальчику хорошо со мной... И пошел ты куда подальше со своими нравами...

– Роза, последний раз предупреждаю, не рыпайся. За все заплачено. – Ты сегодня в роли наглядного пособия по женской анатомии. Только так! Мальчик должен все знать о женщине, даже больше, чем видят его наивные глаза. Прекрасная потребность мужчины в женщине, это не потребность помолиться... И не воображай, что ты уже успела воровски прокрасться в сердце мальчика и угнездиться там...

– Костик! Я не узнаю тебя... Не будь сволочью!

– Саша, – Крестелевский повернулся к сыну, – если я захочу, Роза сейчас же сделает для меня то, что сделала для тебя...

Саша обнял Крестелевского, уткнулся ему в грудь. Сквозь ткань рубашки Константин Валерианович почувствовал, что сын плачет.

– Я люблю одного тебя! Папочка, я больше не буду баловаться в постели ночью... Честное слово...

– К сожалению, сын, женщина хочет не только получить удовольствие, но и получить плату за доставленное ей удовольствие... – Неумолимо гнул свое Крестелевский, тыча пальцем в сторону перепуганной шлюхи. – Никогда никому и ни чему не будь обязан, сынок. Ничем! За все стремись немедленно рассчитаться. Женщине заплати за постель, друзьям – за дружбу, слугам за преданность... И сердце твое будет свободно воспринимать людей такими, какие они есть, а не такими, какими они из корысти хотят казаться. Хотя, сознаюсь: женщины цинично дают мужчине почувствовать себя щедрым и красивым. И мы с тобой будем щедрыми по царски. Ради денег женщина делает все что мы пожелаем.

– Напрасно стараешься, Константин Валерианович! – насмешливо говорила Роза, пока заказчик отсчитывал дополнительный гонорар. – Тебе не удастся унизить меня в глазах сына. – Она протянула руки. – Сашенька, иди ко мне, мой золотой... Иди я тебя приласкаю, моя сиротиночка...

– Роза, не возникай!

– Не слушай дядю, он плохой. – Перла проститутка на рожон, намеренно провоцируя клиента на драку.

– Ах, ты шлюха! – Крестелевский подскочил к Розе, замахнулся.

Роза по-кошачьи вскинула руки, готовая ногтями разодрать физиономию расщипавшего обидчика.

– Вон! – Крестелевский сдернул с путаны простыню.

– Папа не надо бить Розу. – Вскрикнул мальчик.

– Иди ко мне мой бедненький, – продолжала сюсюкать путана.

– Ну, сука! Одевайся и уматывай! Немедленно! – взревел Крестелевский, заслоня сына от протянутых рук жалостливой путаны.

– О! Какой же ты негодяй, Константин Валерианович! – разъярилась и Роза, шумно вскакивая с кровати. – Ты извращенец, женоненавистник. Ты всегда боялся женщин! Да, нас надо бояться, когда ты скупердай и не можешь любить от всего сердца... Ха! Да у тебя и сердца-то никакого нет! Клизма у тебя в груди а не сердце! – Роза достала из-под подушки заработанную пачку долларов и, демонстративно поплеывая на пальцы, стала пересчитывать бумажки.

– Да ты, Костик, уже и не мужик, если честно... – Обронила Роза между делом.

Оскорбление крайней силы подействовало на заказчика необычно. При сыне оскорбление женщины, которую он и презирать-то не удосуживался быстро остудило гнев Крестелевского. Он не мог доставить Розе удовольствия учинить при Сашке драку. Он даже не ударил подлую. Даже пальто подал в прихожей, вызвал такси за свой счет. После всего, что он себе позволил, только подчеркнутой галантностью он мог отплатить сучке за унижение. И он ее достал.

Вытряхиваясь из квартиры, Роза сжала кулаки и заревела от бессильной злобы.

– Будь ты трижды проклят! – Выдавили трясущиеся губы путаны.

Перед сном Крестелевский выкурил в постели сигару, чего обычно не делал. Он знал что заснет без проблем. Константин Валерианович хотел еще раз пережить прошедший вечер в положительных результатах которого он был не очень уверен. По сути, он устроил своему воспитаннику суровый экзамен. Выдержит ли малец?

"Да, любовь – это самое ценное, что человек может дать человеку". – Думал Крестелевский, наблюдая за медленно растущим столбиком серого пепла.

Такого рода отвлеченные признания он делал, когда кому-либо удавалось поколебать его уверенность в себе, в своей правоте. Так Константин Валерианович доказывал себе, что он не выродок, а в данном случае и не женоненавистник.

Ах эти бедные женщины... Как я был не прав, обвиняя их в молодости в непостоянстве и алчности. Жену среди них, жену полностью соответствующую представлениям мужчины о хранительнице очага, найти просто невозможно. И с этим нужно смириться как можно скорее, чтобы не отравить свою жизнь ревностью и ненавистью.

Женщина слишком слаба, чтобы долго принуждать себя первый девический нахлест страстей превращать в главную радость семейной жизни. Женщина слишком слаба, чтобы долго выносить прилив своей страсти. Она быстро фантазирует, но и быстро расстается со своими фантазиями о мужчине. Она устает от своей неумной жажды сладостей жизни.

Тут никуда не денешься, мужик должен стать сексуальным вечным двигателем, чтобы долго поддерживать в женщине высокий уровень адреналина в крови. Он обязан научиться лживым сюсюканиям. Эта мерзость не может быть искренней. Только своими сюсюканиями несчастный может заполнить пустоту сердца женщины, признающей в жизни лишь ее праздничную часть. Остальную часть жизни женщина преодолевает в муках скуки, через силу. А что у мужа твоего на сердце непреходящая тоска одиночества, – это женщине до лампочки... И не дай бог проговориться мужику о своем одиночестве... Сразу же назовут неблагодарным эгоистом и понеслась...

Господи, я еще легко отделался от этих тряпичных созданий, эфемерных в умственном отношении.

Школу Александр заканчивал, имея первый юношеский разряд по боксу. На поединки сына Крестелевский ездил с удовольствием. Никакие дела не могли заставить его отложить поездку на матч. Это был отличный повод дать волю чувствам. Он орал во всю глотку, стимулируя сына на победу, размахивал руками, свистел в два пальца... Пока организаторы юниорских боев не стали среди зрителей узнавать отца Александра Беловежского, его дважды пытались вывести из зала за буйство. А когда стали узнавать, превратились в лучших друзей.

После боя, независимо от исхода, Крестелевский в раздевалке тискал сына в объятьях. Он раздавал доллары тренеру, массажисту и прочей прислуге... Он так радовался спортивным успехам своего наследника, что быстро забывал о случившемся, иногда, у него подозрени. Скверное это было подозрение. Казалось ему уже тогда: под спортивной яростью сына, любимого кулачного бойца, скрывается глубоко затаившаяся слепая жестокость.

Почувствовав во время поединка физическую слабость своего противника, Саша преобразился. Он начинал как-то странно, как-то хищно ухмыляться. Саша впадал в агрессивный транс. У него брезгливо раздувались ноздри. Взгляд блуждал где-то за спиной противника. Александр, словно бы, не спортивной победы добивался над слабеющим боксером, он уничтожал его, физически уничтожал под корень. Иногда рефери вдвоем едва оттаскивали Сашу от избиваемого противника...

Когда Александр сходил с ринга после такого боя, взгляд его был далеким, далеким, мглистым, мглистым. С нежностями даже отцу было опасно приближаться к нему. На это же обратил внимание и Вабля, иногда сопровождавший Крестелевского на матч.

– Обычно излишняя агрессивность дезорганизует бойца. – Говаривал осторожничавший Марат.

– Хочешь сказать нерационально сжигает энергию и быстро выдыхается. – Со знанием дела уточнил Крестелевский.

– Да, так оно и есть, выдыхается. – Согласился Вабля. – Но Александр, наоборот, словно бы преодолевал в себе некие путы. Феноменальный парень. В боевой злобе у Сашки появлялось второе дыхание. Он превращался в отлично отлаженную машину. Пожалуй, в эти минуты он вполне способен даже на убийство соперника. Надо бы поговорить с парнем на эту тему.

– Я обязательно это сделаю, но не думаю, что до него сейчас дойдет предостережение. Больно молод и слишком горяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.